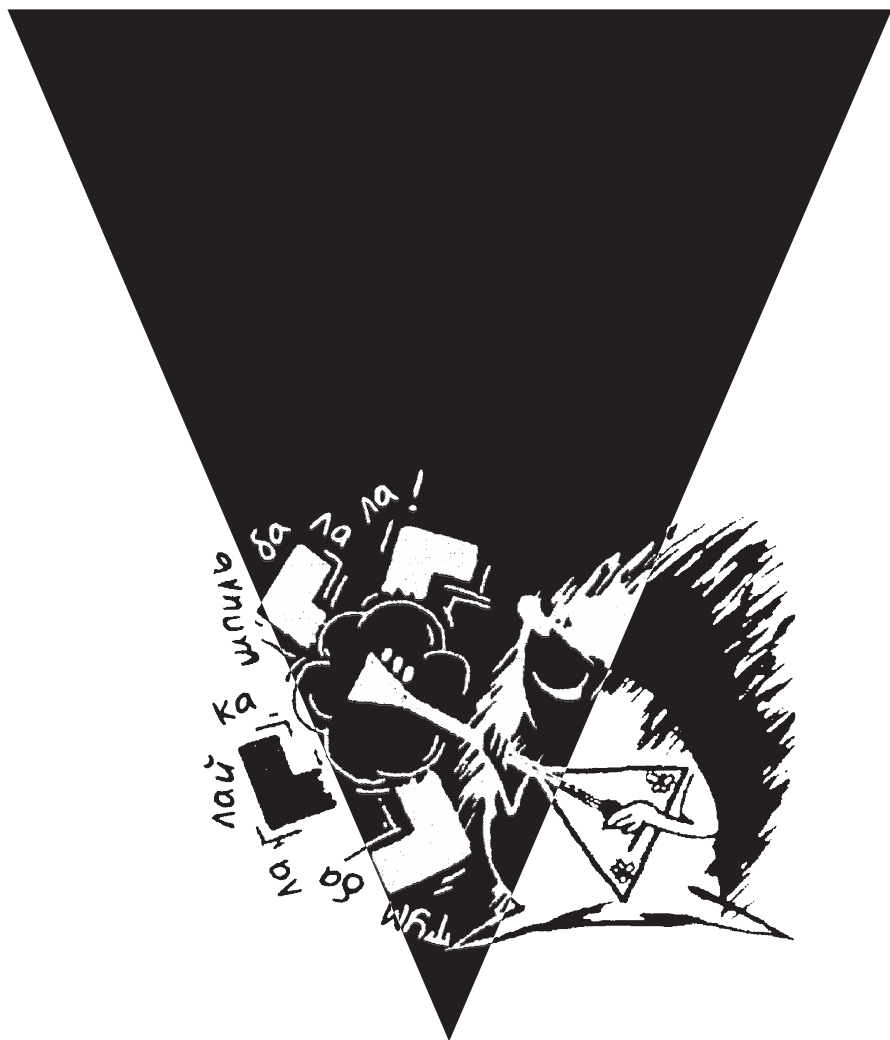

антифашистский МОТИВ

№13 (30)
2015

В НОМЕРЕ:

АНТИФАШИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Насилие и современность	2
Антифа-зомби.....	4
«Антифашистская» сторона?.. Знакомые все лица!	6
Рецензия на документальный коллаж Ильи Фальковского «Незаметные убийства»	9
Народное единство, ловкость рук и разжигание розни	12
Брак по расчёту: Кремль и европейские ультраправые	16

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Антифашистская солидарность с крымскими татарами и не только . . .	24
Интервью с активистами израильской анархо-коммунистической организации «Единство»	27
Интервью с участником Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме — Союзом антифашистов	36

СОВРЕМЕННЫЙ РАСИЗМ

Установление реальных пределов полномочий полиции и защита наиболее уязвимых — «зона ответственности» общества	40
Противостояние черных людей и «черных питов» в Голландии — кто важнее?	48

ПИСЬМО В НОМЕР	51
----------------------	----

НАСИЛИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Недавно опубликованное сочинение Ханны Арендт «О насилии» звучит удивительно современно, хотя и было написано почти полвека назад, а политические события, интересовавшие автора, были давно ставшие историей война во Вьетнаме, советская оккупация Чехословакии и студенческие бунты в Западной Европе 1968 года.

Главная мысль автора заключается в том, что следует различать то, что в русском переводе звучит как «власть» (power), авторитет, силу — и само насилие. Арендт полагает, что эти понятия нередко воспринимаются как синонимы или — по крайней мере — явления крайне близкие, обусловленные механизмами подчинения одних людей другими. Между тем, по мнению Арендт, все это не только не одно и то же, но и совсем противоположные вещи.

Под авторитетом Арендт подразумевает вид власти, предельно далекой от насилия, — то есть власти, полностью основанной на уважении и признании «авторитета», приводя в качестве примера отношения верующих с церковью или почтительных детей с родителями.

Другие виды власти часто связаны с насилием, но не столь простым образом, как многим кажется, считает Арендт. Самое интересная, сложная и для многих, наверное, спорная мысль автора заключается в том, что там, где власть сильна, — насилие минимально, и наоборот — насилие неизбежно, когда власть слабеет. Арендт убедительно иллюстрирует свою мысль анализом сути всех революций: «В споре насилия с насилием превосходство правительства всегда было абсолютным; но это превосходство длится лишь до тех пор, пока...приказы исполняются, а войска и полицейские силы готовы пустить в ход оружие. Когда это уже не так, ситуация резко меняется... Лишь когда распад находящегося у власти правительства позволит мятежникам вооружиться, имеет смысл говорить о «вооруженном восстании», которое часто происходит тогда..., когда в нем уже нет надобности».

Ханна Арендт отмечает, что многие учебники истории «основаны на ошибочном утверждении, будто революции «устраиваются». На самом

же деле, «вопрос об исполнении приказов решается не отношением «приказ-повиновение», но мнением, и, разумеется, числом тех, кто это мнение разделяет... Внезапный драматический распад власти, выливающийся в революцию, словно при вспышке света показывает, что гражданское повиновение законам, правителям, институтам есть всего лишь внешнее проявление поддержки и согласия».

Трудно не признать справедливость этого суждения, размышляя о смене властей в наши дни и о насилии тех, кто терпит при этом поражение!

Арендт доказывает, что власть, пользующаяся поддержкой и основанная на согласии, много меньше нуждается в насилии, чем та власть, которую уже не принимает и не поддерживает общество. Это касается не только правительств, но и других сил, прибегающих к насилию – в борьбе с властью или с чем-то еще. Арендт заявляет: «Насилие не является двигателем ни истории, ни революции, ни прогресса, ни реакции; но оно может способствовать обнаружению недовольства и привлечь к нему общественное внимание». При этом философ отмечает: «Практика насилия, как и всякое действие, меняет мир, но самой вероятной переменной будет перемена к более насильственному миру».

И тут трудно удержаться от аналогий с нашим настоящим – с теми, кто романтизирует насилие, не понимая или не желая понимать, кому они при этом уподобляются. Приведу лишь один пример – отрывок из стенограммы суда над одним из убийц из неонацистской банды «БОРН»: «Государство не слышит нас, не допускает в партии, последователей у нас не появилось.... На тот момент мы ставили идеологию выше жизни. Считали, что убийство — это один из способов сделать так, чтобы нас услышали».

Последняя фраза выдающегося и столь актуального для нас рассуждения Ханны Арендт о насилии звучит как ответ на самый насущный вопрос нашей жизни, вопрос о том, кто и зачем развязывает войну в наше время:

«Всякое уменьшение власти – это открытое приглашение к насилию, хотя бы потому, что те, кто обладают властью и чувствуют, как она выскальзывает у них из рук..., всегда с трудом противились искушению заменить ускользающую власть насилием».

Гета Содман

АНТИФА-ЗОМБИ

Стех пор, как Россия затеяла войну в Донбассе, прошло уже больше девяти месяцев. За это время мы смогли убедиться, как от госпропаганды может поехать крыша даже у тех, кто считался нормальным человеком, не способным на какие-то глупости. Мы и оглянуться не успели, как телевизор сформировал общественное мнение и превратил людей в зомби. Еще вчера бывшие обычными, такими же, как все остальные, украинцы, стали вдруг для нас фашистами-людоедами. В городском транспорте и в очереди в магазине, по телевизору и радио теперь можно слышать, как кто-нибудь на полном серьезе рассказывает, что в Донецке «укро-фашисты прибили русского ребенка гвоздями к стене», как они массово уничтожают мирных жителей Донбасса, не желающих оставаться в составе Украины, и т. д. Даже в анархо- и панк-сообществе стали появляться персонажи, поддавшиеся на провокации власти, что, согласитесь, как минимум, странно для этого круга людей.

Будучи молодым панком, я и предположить не мог, что придет время – и в нашей среде найдется кто-то, радеющий за патриотизм или поддерживающий войны, а мои друзья в России и Украине дойдут до того уровня недопонимания, когда общение уже невозможно. И из-за чего, казалось бы? Из-за нежелания видеть вещи такими, какие они есть.

За примерами далеко ходить не надо. Воронежская хардкор-группа «Вона Fides» позирует на фото с флагом ДНР и заявляет теперь, что на их концертах не место русофобам; знаменитый и уважаемый всеми анархистами борец-антифашист Джефф Монсон фотографируется с георгиевской ленточкой в знак солидарности с «Новороссией». Некоторые, типа суперизвестной итальянской ска-группы «Banda Bassotti», пошли еще дальше, устроив целый тур в поддержку так называемых «народных республик Донбасса». По их словам, они не могли не поддержать народ Восточной Украины в их борьбе с украинской хунтой, как не могли не поддержать сепаратистов из Страны басков и каталонцев. Вот только непонятно, почему им никто не рассказал, что когда в зону этого гражданского конфликта стали массово стекаться наемники и российские войска, движение из «сепаратистского» стало русско-имперским, а это вряд ли соответствует тем принципам, которые разделяют итальянские антифашисты.

Что произошло с этими, а также многими другими людьми из антифашистской среды, понять крайне сложно, – ведь это не бабушки и дедушки, которые

определению должен уметь фильтровать информацию и быть против подобных действий, тем более санкционированных тираном, стоящим у власти. То ли сказывается природа этих «левых», которые «по привычке» поддерживают сторону государства в самый сложный и непонятный момент, то ли они и не были никогда «левыми», а просто прикрывали свои имперские замашки левыми идеями. Во всяком случае, эти люди уж точно, что называется, «зашкварились» по полной, и их действиям вряд ли можно найти оправдание. Ведь согласитесь, что открыто поддерживать проимперские квазигосударственные образования, их «народное войско», которое больше чем на половину состоит из наемников, закрывая при этом глаза на российскую агрессию, которая ведется исподтишка, и участие регулярных войск России в этой войне, не всегда решится даже простой обыватель, а тут происходит поворот взглядов на 180° в альтернативной, антифашистской среде.

Конечно, на выходки этих «антифашистов» я видел много негативных отзывов как со стороны российских, так и украинских активистов, но от этого легче не становится. А учитывая тот факт, что украинские друзья недавно дали нам понять, что не только в российских альтернативных кругах сейчас все плохо, становится только тяжелее. Не так давно в Киеве прошел благотворительный панк-концерт под названием «Ukraine United Fest». Его основной целью, как следует из аннотации, был сбор средств для солдат, раненных в боях в зоне АТО. На афише при этом над списком групп были нарисованы солдаты, устанавливающие украинский флаг на какой-то отвоеванной местности. Не поймите меня неправильно. Я ничего не имею против помощи раненым и их семьям, тем более в такой ситуации, но делать панк-концерт под эгидой патриотизма и солидарности с армией — не менее позорно, чем фотографироваться со знаменем Донецкой народной республики, если, конечно ты не против методов, которые украинская армия использует порой в этой войне. Я имею в виду разрушенные от бомбежек дома, школы и жертвы среди мирного населения, вымогательство и взяточничество на блокпостах, мародерство на освобожденных территориях и т. д. Несмотря на то, что те, кто выступал на этом концерте — группы «Bluesbreaker», «Kingpin», «Power Play» и т. д., никогда не были моими любимцами, я всегда уважал их творчество и думал, что эти люди такие же, как я, что они не из тех, кто будет бездумно поддерживать что-то только лишь из-за моды или одобрения большинства. К сожалению, я ошибался.

Я не уверен, но очень надеюсь, что рано или поздно все те, о ком я написал, осознают, что ни один адекватный человек не стал бы делать то, что сделали они в данной ситуации. Ну а пока я хотел бы призвать всех, кто еще не отвык думать без чьей-либо помощи, бойкотировать эти коллективы и этих людей, не иметь с ними никаких дел и, по возможности, вести воспитательную работу с оставшимися еще в своем уме комрадами.

«АНТИФАШИСТСКАЯ» СТОРОНА?.. ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!

Украинские, а вслед за ними и российские блогеры опубликовали список аккаунтов в социальных сетях «добровольцев» из России, которые сражаются на стороне «ополченцев» ДНР/ЛНР. Внимание привлекает спектр представителей различных националистических групп: будто погружаешься в 90-е, с тогдашними странными типами из разных черно-коричневых организаций.

Ведь именно тогда единомышленники Лимонов (партия нацболов) и евразиец Дугин не чурались сотрудничества с бритоголовыми неонацистами, потом же их союз, казалось, распался: один стал популярным оппозиционером (с претензиями чуть ли на правозащитные действия — жалобы в Конституционный суд, временный альянс с либералами), другой — ученый

Обычный российский «антифашизм»: РНЕ и ветераны ВОВ
6 празднуют 9 мая

муж, профессор МГУ, не растерявший, впрочем, своих связей с европейскими правыми. Но тех, кто хорошо помнит середину девяностых, не удивило ни возрождение былой идейной связи этих рьяных националистов, ни — опять же не новую для них обоим — оголтелую поддержку самых маргинальных нациков и самого гнусного насилия. Двадцать лет назад они все, кстати, весьма дружно нападали на антифашистов и противопоставляли себя им.

Из небытия всплыл и самый известный в 90-е борец с антифашистскими идеями (кстати, и сам раньше именовавший себя «русским фашистом») Баркашов с его РНЕ (как и в 90-е, сейчас наиболее активно волгоградское отделение РНЕ), а за ним и отряд «Память», РОВС («Русский общевойсковой союз»), православные монархисты-чернорубашечники всех видов. Последние лет пятнадцать-двадцать эти люди плотно сидели в нише «реконструкторов» — теперь страшно представить, какие выдуманные войны возникают в их головах, как и кем они воображают себя, находясь в местах уже — увы — реальных боевых действий. На своих страницах почти все они постят цитаты из «Белой гвардии» Булгакова, будто участвуя в ролевой игре «Реконструкция Первой мировой войны на стороне белого движения на территории Украины». Характерно, что это почти все старые военные кореша: многие РНЕшники и все эти монархисты-чернокопатели, как и их вождь Стрелков-Гиркин, повоевали в Приднестровье, на Кавказе и на территории бывшей Югославии, большинству из них — 40-50 лет.

Немногочисленная группа молодых (от 20-22 лет) националистов в списке ДНР/ЛНР собрались в ДРГ «Русич», ДШРГ «Ратибор»: «правые» участники фанатских группировок ФК «Зенит» (Кирилл Римкус), нацист Алексей Мильчаков по кличке «Фриц» (известный питерским зоозащитникам как живодер и садист), активист «Русской пробежки» Дмитрий Дейнеко (полгода назад осужден по ст.116 УК за нападение на участников ЛГБТ-митинга), неоязычник Veliki Slavian и другие wp-ns/неонацисты. Модный среди молодых националистов ресурс «Спутник и погром» подробно пишет про вербовку добровольцев Александром Жучковским (НДП) и помощь бойцам Новороссии спецнаряжением, приводя следующий довод для единого националистического порыва: «Ты либо с нами («русский»), либо за Украину («вырусь»)). Интересно, что тут наблюдается и выход на людей власти: так, РИД (Русское имперское движение) на странице Вконтакте пишет, что «мы (РИД) совместно с партией «Родина» набираем добровольцев из Санкт-Петербурга для борьбы с геноцидом русского населения на территории «Киевской Руси».

Слово «антифашизм» становится безобразным прикрытием чего-то антифашизму прямо противоположного — новостной сайт «Новороссии»

(место, где «продолжается великая общая история России, Украины, Советского Союза и современной Евразии») называется «Центр координации «Новая Русь-антифашизм: За Русь великую, Русь святую, Русь единую!». «Антифашистский форум Украины» при поддержке газеты «Завтра» публикует материалы «махровых» Глазьева и Калашникова, Славянский антифашистский фронт Крыма создается при поддержке Конгресса русских общин. Последние уже осенние «антифашистские» новости: российский «антифашист»-фсбшник Гиркин проводит учредительный съезд петербургского отделения движения «Новороссия», с активистами именно правого толка – православными, националистическими (один из организаторов съезда – глава регионального отделения движения «Народный собор» Анатолий Артюх, помощник депутата Милонова). Первый чешско-российский банк (контролирует Стройтрансгаз, который входит в холдинг Тимченко — близкого друга Путина) дает кредит в 9 млн. евро Мари Ле Пен — на предвыборную гонку крайне правого «Национального фронта» (французские и европейские банки отказались поддержать правую риторику партии). Известный государственный муж Андрей Исаев, заместитель фракции ЕР, заместитель председателя Госдумы, с гордостью сообщает в твиттере: «В субботу и воскресенье принимаю участие в XV Съезде французской партии «Национальный фронт»».

Ничего в этом нет ни нового, ни неожиданного, а вот страшного, грустного и стыдного много, — слишком много, чтобы продолжать считать все эту заваруху «чужой бедой».

НН

По предположению директора центра «Сова» Александра Верховского, ультраправых в ДНР и ЛНР воюют около двухсот человек. «Эти цифры, конечно, приблизительны, но их там примерно столько, не считая казаков. Тех, кто едет воевать за другую сторону, конечно, на порядок меньше.

...В обществе появляются люди, которые повоевали, им захочется более активных действий внутри страны. Такая же картина наблюдалась в 90-х, когда активное участие в событиях 1993 года в Москве приняли участники боев за Приднестровье и Абхазию, — напомнил директор «Совы». — Запрет на насилие и так слабнет, а с их возвращением он будет еще более слаб. Власть может считать политически мотивированное насилие опасным, а может и закрывать на него глаза, если оно направлено против ее оппонентов».

Из статьи Павла Никулина на snob.ru

«Дело правое. За кого воюют российские неонацисты на Донбассе»

РЕЦЕНЗИЯ НА ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ КОЛЛАЖ ИЛЬИ ФАЛЬКОВСКОГО «НЕЗАМЕТНЫЕ УБИЙСТВА»

Фальковский, Илья. *Незаметные убийства* [документальный коллаж]. - М.: Common Place, 2014. – 202 с.

В 2014 году издательская инициатива Common Place выпустила книгу о преступлениях на почве ненависти, составленную Ильей Фальковским. Он публикует судебные материалы по делу неонацистской группы «НСО-Север». Это рассказы свидетелей и обвиняемых о нескольких жертвах смертельных нападений неонацистов.

Такая книга – подборка прямой или почти прямой речи участников и очевидцев событий – это, конечно, не просто рассказ о конкретных судьбах, это портрет нашего обще-

ства. Такую, только более значительную по объему работы, книгу когда-то создал Харуки Мураками. Его документальный роман «Подземка» о жертвах и исполнителях зариновой атаки в токийском метро в 1995 году – это именно портрет общества. Мураками не только рассказывает истории, но и сам рассуждает о причинах и последствиях произошедшего. Он выясняет, что многие японцы до теракта не только не придавали большого значения секте «Аум Синрикё», но больше того – сами признавали за собой способность автоматически выполнить приказ начальства, даже если бы это был приказ провести теракт, когда бы им логично обосновали его необходимость.

Сам опыт подобной книги в России очень важен, ведь еще совсем недавно преступления на почве ненависти были фактически неизвестны, и их как бы и

не было, потому что никому не приходило в голову их описывать как таковые. Затем о них заговорили, появилась статистика, проблема была признана и названа на государственном уровне.

Но только совсем недавно в нашей стране появилась идея, что центральной фигурой в таких преступлениях должна быть жертва. Не убийца, не полицейский, а внезапно и бессмысленно погибший или покалеченный человек. Пока эта идея защиты жертв (а к ним относятся не только сами пострадавшие, но и их близкие) не очень широко распространена у нас. А ведь сама природа этих преступлений требует особого отношения к ним тех, кто не принадлежит к так называемым «уязвимым группам». Благополучные представители большинства несут, безусловно, моральную ответственность за происходящее с меньшинствами и, как минимум, должны проявлять солидарность.

Необходимы горячие линии для сообщения о таких преступлениях, налаженная система медицинской, психологической и материальной помощи пострадавшим. К сожалению, пока в России нет ничего подобного, а первые попытки таких проектов предпринимались лишь в неправительственных организациях АДЦ «Мемориал» в Санкт-Петербурге и Комитете «Гражданское содействие» в Москве.

В книге Фальковского, к сожалению, не хватает справочной информации о самой организации «НСО-Север» и об их деле. В приложении автор приводит подробную историю одного из осужденных – Льва Молоткова, пишет об организации НСО, ее основателе Дмитрие Румянцеве, но в этом тексте, наполненном обширными цитатами из фигурантов дела, невозможно найти их полный список и сроки, к которым их приговорили.

Комментарий психолога Сергея Ениколопова, специалиста по криминальной агрессии и этнопсихологии, особенно учитывая специализацию этого ученого, мог бы быть более подробным. Специалист делает интересное замечание о тяге к убийствам как об аддикции, о том, что превращение членов банды в серийных убийц – это нравственная патология, но в остальном его, безусловно, ценные рассуждения остаются в рамках интеллектуального любительства. Было бы весьма интересно получить от профессионала психологический портрет националиста-убийцы, услышать его комментарий о том, как подобные убийства влияют на «уязвимые группы», как можно помочь людям, которые пережили нападение сами или потеряли близких. Есть и более мелкие вопросы к комментарию Ениколопова: в частности, рассуждая о причинах возникновения агрессивной ксенофобии, он пишет, что Розенберг был доктором философии и не мог найти места, так как все кафедры немецкой философии были заняты евреями. Возможно, он и пытался найти место на кафедре философии, я не специалист по биографиям членов НСДАП. Но точно известно, что у него был при этом диплом инженера. И утверждение, что

все кафедры заняли евреи, весьма предвзятое. Тем более странным выглядит логическое продолжение, которое делает Ениколопов: «Здесь [в России] тоже люди сталкиваются с некой непреодолимой стеной», из чего следует, видимо, что евреи таки были «непреодолимой стеной» в Германии.

Еще одно замечание хотелось бы сделать в связи с комментарием социолога Дмитрия Полетаева, который тоже как нельзя более уместен в этой книге. Полетаев, специалист по миграции, кратко излагает «миграционную историю» России и Москвы, дает свое объяснение росту агрессии к «понаехавшим». Но именно от специалиста хотелось бы получить в этой книге и развенчание одного из весьма устойчивых мифов последнего времени, распространяемого как националистами, так и журналистами, политиками, чиновниками. Речь идет, конечно, о так называемой «этнической преступности». Статистика МВД четко показывает, что реальная доля преступлений, совершаемых приезжими, невелика и вполне согласуется с их процентной долей в общем числе жителей страны. Более того, часто любители спекулировать на этой теме (а к ним относятся и некоторые чины МВД) манипулируют статистикой, умалчивая, что речь идет не о тяжких преступлениях, а об общем числе правонарушений, львиную долю которых у приезжих из других стран составляют безобидные нарушения миграционного законодательства. Этой теме посвящена, например, статья Виктора Шнирельмана «СМИ, борьба с «этнической преступностью» и культурный расизм» в недавно выпущенной книге «Россия – не Украина: современные акценты национализма».

Несмотря на вышесказанное, книгу Фальковского все равно хочется рекомендовать. Особенно радует, что этот немного одинокий голос солидарности исходит из левой среды. Нет ничего более естественного для левых, чем громко выступать в поддержку дискриминируемых групп. Но до недавнего времени московская антифашистская среда проявляла видимую стороннему наблюдателю солидарность главным образом внутри своей собственной группы (надо признать, что поводов, к несчастью, было много – от Алексея Крылова до Станислава Маркелова). Кроме того, как кажется, книга выполняет миссию, сформулированную самим автором следующим образом: «Наверное, это наивно, но я все же надеюсь, что наше общество еще может проснуться, – конечно, это произойдет не вдруг, впереди долгий путь. Мне хочется верить, что этот документальный коллаж внесет небольшую лепту и после его прочтения одним, двумя – хотя бы несколькими черствыми людьми станет меньше».

НАРОДНОЕ ЕДИНСТВО, ЛОВКОСТЬ РУК И РАЗЖИГАНИЕ РОЗНИ

С страна сдурила на почве единства. К единству нас призывают депутаты Госдумы, православные иерархи, националисты, скандирующие во время «русского марша» «Пока мы едины, мы непобедимы». Официальные видеоролики, посвященные Дню народного единства, объясняют праздник так: были разобщенные бояре, боровшиеся за власть после смерти Ивана Грозного; этим воспользовались враги для «попытки интегрирования России в Западный мир на правах колонии», но «попытка» была пресечена сплотившимися под руководством Минина и Пожарского народными массами. Примерно то же случилось и в 1991 году: «во власть прорвалось немало жуликов», «Запад» их разрушительным действиям «аплодировал», в консультанты и советники внедрялось ЦРУ; но потом пришла «новая команда», «патриоты-государственники», которые и вернули России статус мировой супердержавы. И в текущий момент – требуется «сплочение жителей России», для чего и был организован 4 ноября нынешнего 2014 года марш под лозунгом «Мы едины!», подразумевалось – перед лицом опасности.

Хотя многие участники недавнего марша упоминали внешнюю угрозу, перед которой мы должны объединиться («американский глобализм», который «пытается взять нас на прочность» (Зюганов), «оппоненты», которые «прилагают все усилия, чтобы поставить Россию на колени» (Аксенов, «смотрящий» Крыма)), из их выступлений следовало, что они понимают единство несколько по-разному, то есть полного единства меж ними в этом вопросе нет. Например, космонавт Леонов говорил со сцены о спасительном «союзе армии и народа». Антон Цветков из организации «Офицеры России», кроме единства всех наций и политических партий, нашел важным упомянуть единство всех силовых ведомств, а также действующих вооруженных сил и сил запаса. И правда, «офицеры» несли баннер «Вместе мы – сила». Кобзон, прежде чем запеть под фонограмму про синеглазую страну, тоже сказал про силу: «Мы едины, поэтому мы сильны, поэтому нас бояться – и пусть бояться». Вице-спикер Неверов говорил о единстве «независимо от возраста и профессии». Миронов указал на уникальность момента: четыре разных партии – в одной колонне, единство понимал в том числе как солидарность

с ополченцами «Новороссии» («только штык и пуля остановят фашизм»), а среди разъединяющих факторов назвал коррупцию, социальное расслоение и бездушие чиновников. Самым бессознательным было, пожалуй, выступление Жириновского: «мы ждали 402 года, чтобы заявить: мы самая сильная, могучая, добрая в мире страна», которое он закончил так: «Да здравствуют русские и все остальные народы».

Показательно, что даже попытки логически описать пресловутое единство, скатывались в нечто иррациональное, соответствующее жанру камлания. Так, депутат Баталина (<http://er.ru/news/124412/>), разложившая «единство» на «не просто единство, а триединство» (территориальное, многонациональное и единство людей разных вероисповеданий), все же назвала единство «состоянием, которое нужно хранить и ценить», говорила о «чувствах» («мы чувствуем попытки расколоть изнутри нашу страну»).

Короче говоря, единство определяют кто во что горазд, и понять, по каким критериям россияне так уж разобщены, довольно трудно, — по крайней мере, те известные люди, которые днюют и ночуют на российских телеканалах, выражаются, если разобраться, довольно туманно. Да и зачем нам так срочно объединяться, тоже не вполне ясно: кто такие «наши оппоненты» и что такое, в сущности, «американский глобализм»?

Как ни странно, наиболее логично и последовательно излагают вопрос представители РПЦ — ведомства, которое по определению должно иметь дело с вещами иррациональными и мистическими. Так, патриарх Кирилл (<http://www.vrns.ru/news/2063/#.VHwpb9KsVLA>) говорит о раздробленности общества по таким пунктам: политический плюрализм (дебаты в парламенте вызывают драки на кухне), социальное неравенство (есть бескультурные богачи, а есть нищие), многонациональность (90% русских и активные меньшинства), конфликт поколений («отцы и дети»). Что же может примирить эти противоречия? Только церковь, говорит патриарх, — да и то это встречает «неадекватную, истерическую реакцию со стороны носителей нерелигиозного мировоззрения», то есть опять — увы — никакого единства.

Вернемся на минутку к депутату Баталиной: она говорит, что «те народы, которые теряют свое единство, теряют себя, теряют свою самоидентичность». В этом вопросе РПЦ тоже явила способность определить неопределимое: на прошедшем в 18-м Всемирном русском народном соборе (БРНС — это одновременно международная общественная организация и торжественное собрание) с характерным названием «Единство истории, единство народа, единство России» патриарх Кирилл представил публике «Декларацию русской идентичности». Она гласит: «Русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное хри-

стианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа». Некоторые эксперты с облегчением вздохнули: ура, необязательно быть русским по крови! Но далее по тексту: «Рождение от русских родителей в большинстве случаев является отправной точкой для формирования русского самосознания, что никогда не исключало возможности присоединения к русскому народу выходцев из другой национальной среды». Поэтому-то так восторженно приняли этот документ одиозные националисты (<http://www.vrns.ru/experts/3407/#.VHwpjdKsVLA>) – ясно сказано, что правильная идентичность – русская, а «российский народ» (и в прошлом «советский народ»), «россияне» – от лукавого.

Меж тем, православная церковь обнаруживает известную ловкость в жонглировании идентичностью. С одной стороны, она ублажает националистов, говорит о величии русского народа, продвигает Соборы как площадки для дискуссий (правда, истинных дискуссий там не бывает, сплошное «единство»). С другой стороны, РПЦ участвует в реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», то есть получает деньги, предназначенные для формирования идентичности «россияне», «многонациональный российский народ», – столь неугодной православным радикалам. И суммы значительные: более 1 млрд. руб. выделено в 2014 году и почти миллиард федерального бюджета запланирован на создание в 2015 году духовно-просветительских центров (<http://top.rbc.ru/politics/28/11/2014/54774e8acbb20ffb61293aa>) – последний привет от ликвидированного Министерства регионального развития. Причем, как сообщает пресса, организации, выигравшие эти средства, зарегистрированы незадолго до конкурса – в декабре 2013 года – феврале 2014 года; в названиях 21 из 23 организаций-победительниц присутствуют слова «строительство» или «реставрация». В общем, и нашим, и вашим, и невинность РПЦ соблюдает, и капитал приобретает, быстро ориентируясь в конъюнктуре и преодолевая таким образом конституционную отделенность церкви от государства.

Если за РПЦ следует признать умение держать нос по ветру, то все же не очень понятно, что имеет в виду государство, в реальности потворствуя насаждению православия и вливая в религиозные организации серьезные бюджетные деньги, но на словах пестуя идею «русской гражданской нации». Означает ли это официальную смену «имперских» идей («мы разные, но мы все россияне»), довольно ясно изложенных в упомянутой госпрограмме «Укрепление единства российской нации», на националистические – это про рождение от русского отца и русской матери как отправную точку русского самосознания?

Социологи и вправду фиксируют отсутствие единства в российском обществе: «разрушение социальной солидарности, атомизация общества и цен-

ностная аномия», «отсутствие ценностного консенсуса» – вот их диагноз. Понятно, что «духовные скрепы», о которых сказал президент РФ, вогнав в стресс переводчиков, – милосердие, сочувствие, сострадание друг к другу, – слабоватое средство для объединения тех, кто деморализован неработающими государственными институтами, коррупцией, беззаконием и несправедливостью. Это, между прочим, касается и бедных, и богатых: во многом антагонистические общественные группы хотят, чтобы в стране все работало, суд был бы справедливым и взятки бы не брали.

Что же предлагают конструкторы «единства нации» как основу идентичности? Во-первых, предлагается непременно «гордость за свою страну и ее историю» (с упором на военные достижения), «гордость за цивилизационное своеобразие России». Понятно, что от нее один шаг до идеи превосходства над другими странами и народами и до практики ксенофобии. Во-вторых, «единство нации», которое нам собираются привить, видимо, понимается как приверженность одной и только одной «правильной» идеологии, «правильным традиционным ценностям». Именно поэтому так настораживает создание единых учебников истории, русского языка и литературы, все крепчающее единство церкви и государства.

В самом деле, хорошо бы у россиян было побольше общих платформ, – но то, что предлагает государство как бесспорные ценности, как правило, неприемлемо. Например, было бы отлично, если бы россияне были более едины в объективной оценке советского периода истории страны. История эта была сложной и трагической, десятки миллионов людей стали жертвами войн, политических репрессий, голода, межнациональных конфликтов. Однако государственная риторика по этому вопросу – оправдание преступлений сталинизма «успехами» социалистического строительства в «великой стране». Победа над фашизмом – да, ценность, но, опять же, история Второй мировой войны у нас преподносится однобоко, тенденциозно, неглубоко – в ура-патриотическом духе.

Было бы очень хорошо, если бы общество было более едино в толерантности и уважении к различиям и в неприятии ненависти. Но государство предлагает совсем иное – пропагандируются «традиционные ценности», принимаются гомофобные и антимигрантские законы, что развязывает руки разномастным «казачьим патрулям», «русским зачисткам» и другим агрессорам. Так насаждение единства приводит к противоположным результатам – к охоте на тех, кто «как-то не так» выглядит, думает, живет, к поискам «пятой колонны», к поддержке мракобесов и преступников.

БРАК ПО РАСЧЁТУ: КРЕМЛЬ И ЕВРОПЕЙСКИЕ УЛЬТРАПРАВЫЕ

ТАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ В Восточной Украине и политика, ориентированная на «мораль и семейные ценности» обеспечили Путину ревностную поддержку европейских крайних правых. Но им не стоит обольщаться...

В рамках массовой информационной войны, развернутой против Евромайдана и последующей украинской революции, следствием которой стало свержение авторитарного режима пророссийского президента Виктора Януковича, Кремль, по всей видимости, мобилизовал все свои лоббистские ресурсы на Западе. Это подтвердило давние подозрения экспертов, в частности, о том, что ультраправые партии и организации Европы на сегодняшний день являются самыми ярыми приверженцами политической программы Путина.

РОССИЙСКИЕ ДЕНЬГИ РЕШАЮТ ВСЕ

Крым, 16 марта. Вот они – международные «наблюдатели» на нелегальном и незаконном «референдуме», организованном в Автономной Республике Крым, оккупированной российскими «зелеными человечками». Подавляющее большинство «наблюдателей» – представители широкого спектра праворадикальных партий и организаций Европы: Австрийская партия свободы (Freiheitliche Partei Österreichs), Альянс за будущее Австрии (Bündnis Zukunft Österreich), бельгийские «Фламандский интерес» (Vlaams Belang) и Коммунитаристская национал-европейская партия (Parti Communautaire National-Européen), болгарская «Атака», французский «Национальный фронт» (Front National), венгерский «Йоббик» (Jobbik), итальянские «Лига Севера» (Lega Nord) и «Трехцветное пламя» (Fiamma Tricolore), польская «Самооборона» (Samobrona), сербская организация «Двери» (Dveri), испанская «Платформа Каталонии» (Plataforma per Catalunya). Их пригласили легитимировать «референдум» из «Евразийского совета за демократию и выборы» (ЕСДВ) – красивое название для «международной неправительственной организации», основанной и возглавляемой бельгийским неонацистом Люком Мишелем, верным последователем Жана-Франсуа Тириарта, еще одного бельгийского неонациста,

осужденного за коллаборационизм во Второй мировой войне. Мишель любит представлять ЕСДВ как «внеблоковую неправительственную организацию», но при этом ЕСДВ не скрывает своих антизападных взглядов и лояльности Путину и всегда готов задекларировать «легитимность» любых нелегитимных политических процессов, будь то в Крыму, Приднестровье, Южной Осетии или Абхазии. Кто платит, тот и заказывает музыку.

И все же ЕСДВ – всего лишь капля в океане широкомасштабного сотрудничества Кремля и ультраправых партий и организаций Европы. Марин Ле Пен, лидер французского «Национального фронта», уже стала регулярным гостем в Москве: в августе 2013 и апреле 2014 гг. она встречалась с заместителем председателя правительства РФ Дмитрием Рогозиным и председателем Государственной Думы РФ Сергеем Нарышкиным. Советник Ле Пен по геополитическим вопросам Эмерик Шопрад принимал участие – в качестве «эксперта» – в заседании Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, на котором обсуждались законы, запрещающие усыновление российских детей-сирот однополыми парами. Несколько бывших членов «Национального

Бельгийский неонацист Люк Мишель из ультраправой национал-большевистской PCN-NCP представлен российским телеканалом как организатор миссии наблюдателей ОБСЕ в Крыму. Но это ложь: наблюдателей ОБСЕ не было на референдуме, т.к. ОБСЕ считает его нелегитимным, как и аннексию Крыма.

фронта» входят в руководство телеканала ProRussia.TV – еще одного инструмента московского пиара, который является продолжением таких ресурсов, как «Russia Today» и «Voice of Russia».

Российский Институт демократии и сотрудничества (еще одно красивое название), расположенный в Париже, выступил одним из организаторов конференции «по вопросам семьи» в Лейпциге; на конференции выступили такие личности, как Тило Саррацин, известный своей резкой критикой мультикультурализма, Юрген Эльзессер, главный редактор праворадикального журнала «Compact», и Фрауке Петри, представительница евроскептической партии «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland).

Лидер «Йоббика» Габор Вона выступил с лекцией в Московском государственном университете по приглашению российского правого экстремиста Александра Дугина; по мнению Воны, для Венгрии было бы лучше выйти из состава ЕС и присоединиться к Евразийскому Союзу, в котором будет доминировать Россия. Сам Дугин выступил в Соединенном Королевстве по приглашению ультраправой «Группы традиционной Британии» и написал письмо поддержки Николаосу Микалолиакосу, заключенному лидеру греческой неонацистской партии «Золотая заря», которая в своей политической программе призывает греческое общество уйти от «американских сионистов» и «западного ростовщичества» в направлении к России. Всего несколько дней назад лидер болгарской партии «Атаки» Волен Сидеров начал европейскую избирательную кампанию своей партии в Москве.

Список примеров сотрудничества Кремля с европейскими праворадикальными элементами можно продолжать, но представляется более важным обсудить основные мотивы данного сотрудничества, а также опасность, которую оно представляет для европейской демократии.

ИНТЕРЕСЫ УЛЬТРАПРАВЫХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ЕВРОПЫ

Прежде всего, европейские ультраправые партии и организации уважают Кремль за его могущество и силу. В своем манифесте печально известный норвежский массовый убийца и террорист Андерс Брейвик назвал Путина «справедливым и решительным лидером, достойным уважения». Ультраправая партия Италии «Новая сила» (Forza Nuova) прославляет путинскую Россию как «новый маяк цивилизации, идентичности и мужества для других европейских народов». Андреас Мельцер из Австрийской партии свободы воспекает Путина как героя, которому «удалось направить посткоммунистическую, терзаемую кризисом Россию в более спокойное русло». Для европейских праворадикальных элементов Путин – это могущественный лидер, который бросил вызов политическому статус-кво Запада и подверг сомнению глобальную роль Соединенных Штатов, к которым ультраправые партии и организации

Европы питают откровенную ненависть. Якобы антиглобалистская программа Кремля, которая, по сути, является завуалированной попыткой захватить и удержать позицию мировой сверхдержавы, также привлекательна для европейских ультралевых партий и организаций, особенно в Германии, Франции, Греции, Португалии и Чехии.

В усилении позиций России, как антизападной державы, многие европейские ультраправые партии и организации видят удивительный пример национального суверенитета и самоопределения. Эти идеи особенно популярны в современной риторике евроскептических ультраправых партий Европейского Союза – «технократического монстра, служащего исключительно интересам банкиров» (Ле Пен), от которого, по мнению Герта Вилдерса из нидерландской ультраправой Партии свободы (Partij voor de Vrijheid), европейским суверенным государствам следует «освободиться». Итальянская «Новая сила» даже призывает Путина уничтожить «Европу технократов».

Идея европейского нейтралитета, граничащего с национальным изоляционизмом, логично проистекающим из доведенной до крайности идеи само-

Шесть ультраправых итальянских групп (Roma Nord, Movimento Sociale Europeo, Contro Tempo, XX Flotta, Comunità Militante Formello, Ostia.) поддерживают Путина постерами «Рим с Путиным» и «Обама — незваный гость»

определения, также популярна среди европейских ультраправых партий и организаций. Она выступает аргументом-эвфемизмом в пользу «Крепости Европы» и оправдывает невмешательство в международные процессы за границами Европы. Изобретательный маневр Москвы, воспрепятствовавший свержению кровавого режима Башар аль-Асада войсками США, обрадовал правых радикалов Европы. Препятствование Западу в свержении самых безжалостных режимов представляется продвижением многополярности, однако эта многополярность является фикцией: ее единственной целью является расшатывание глобальной демократии. В путинской России европейские ультраправые партии и организации видят силу, которая действительно может воспрепятствовать демократическому развитию мира. Меньше глобальной демократии – меньше глобальной безопасности, а ослабленная глобальная безопасность может использоваться как предлог для продвижения антииммиграционной программы.

Авторитарный консерватизм России также привлекает европейские ультраправые партии и организации, которые считают Россию страной, где восторжествовали «традиционные», «семейные» «христианские ценности». В глазах Воны, лидера «Йоббика», Россия – это «лучшая Европа», поскольку она «бережет традиции и не следует культуре денег и масс». Российские законы, в частности, ограничивающие права сексуальных меньшинств, вызывают восторг многих европейских ультранационалистов, особенно во Франции и Италии, где праворадикальный «Национальный фронт» (Fronte Nazionale) через десятки плакатов в Риме выразил поддержку «мужественной позиции [Путина] по отношению к мощному гей-лобби», а также его антиевропейским и проасадовским взглядам.

Что касается прозаических моментов, европейские правые экстремисты, по всей видимости, также получают финансовую выгоду от сотрудничества с Кремлем. Несмотря на отсутствие прямых доказательств предоставления Кремлем финансовой поддержки своим экстремистским союзникам в ЕС, было бы нелепо предполагать, что Кремль не платит за лоббистские услуги, а ультраправые партии и организации действительно активно лоббируют интересы России в ЕС.

ИНТЕРЕСЫ КРЕМЛЯ

Россия Путина – это ультраправый политический режим, для которого характерен авторитаризм, национализм и популизм. Эти же характеристики присущи европейским крайне правым, поэтому сотрудничество между ними кажется естественным процессом. Конечно, существуют различия между европейскими ультраправыми партиями – они отличаются друг от друга по степени своего радикализма и позициями по конкретным вопросам. Французский «Национальный фронт», возможно, стремится к сотрудничеству

с голландской и австрийской Партиями свободы, но не с «Йоббиком» или «Атакой». Даже в одном национальном контекст ультраправые партии могут быть недружественными по отношению друг к другу; например, сложно представить какое-либо плодотворное сотрудничество между «Трехцветным пламенем» и «Новой силой» в Италии. Однако путинский ультраправый режим готов сотрудничать с любой европейской правоэкстремистской партией, если только она не критично настроена по отношению к России ввиду исторических либо других причин. Таким образом, идеологическое родство между режимом Путина и европейскими ультраправыми партиями является одним из оснований сотрудничества.

Во-вторых, как свидетельствует идеологическая природа большинства европейских «наблюдателей» на крымском «референдуме», правые экстремисты составляют костяк европейских политиков, которые могут легитимизировать действия России на отечественной и международной арене. Освещая работу международных «наблюдателей», российские средства массовой информации не упоминали об их идеологических позициях. Наоборот, они были представлены в скучно-нейтральной форме: Йоханн Гуденус из Австрийской партии свободы был представлен просто как «депутат из Австрии», Эмерик Шопрад из «Национального фронта» — как «политолог», неонацист Энрике Равелло — как «наблюдатель из Каталонии» и т.д. Такие тривиальные заявления были необходимы, чтобы заверить российскую публику, что крымский «референдум» абсолютно легитимен. Европарламент заявил, что он таковым не был? Но ведь на референдуме присутствовали члены европейских партий, в том числе депутаты Европарламента, которые пришли к выводу, что референдум таки был легитимен.

На международной арене ультраправые политики также активно поддерживают действия Путина. Кто восхвалял путинскую Россию — после «наблюдения» за несправедливыми парламентскими выборами в России в 2011 году — за ее «крепкую, прозрачную и истинно демократичную систему»? Ник Гриффин, член Европарламента и лидер ультраправой Британской национальной партии (British National Party). В этом смысле, европейские ультраправые партии выполняют функции волшебного зеркала из сказки братьев Grimm «Белоснежка и семь гномов» — они всегда готовы заверить злую королеву в ее красоте.

В 2013-2014 гг. именно европейские ультраправые партии и организации открыто защищали вмешательство России в украинские протесты, а затем российское вторжение в Украину. Им даже не надо было полностью убеждать международное сообщество в легитимности действий России; им нужно было лишь внести сомнения в нарратив подавляющего большинства демократических лидеров и крупных международных организаций, осудивших действия Путина.

В-третьих, несмотря на ультраправую природу путинского режима, это всего лишь фасад, скрывающий коррумпированную, эгоистическую и элитарную систему, для которой сотрудничество с европейскими ультраправыми элементами – не более чем средство для продвижения и защиты своих бизнес-интересов на Западе. В своей последней книге («Система РФ в войне 2014 года») Глеб Павловский утверждает, что в путинской России есть две власти. Одна власть – это реальное видимое государство, крайне слабое из-за намеренно неэффективных политических и административных институтов; другая власть – это параллельно существующее государство или, как называет его Павловский, «Система РФ». В руках последнего сосредоточена абсолютная власть в России, но оно не может функционировать открыто ввиду своей очевидной несправедливости и коррумпированности. Поэтому «Системе РФ» нужно слабое фактическое государство, дабы скрывать свою деятельность. Как писал Иван Крастев, «в России, бесспорно, есть выборы, но ротации власти не происходит. [...] В российской системе выборы используются для легитимации отсутствия ротации». Поскольку Государственная Дума фактически является механической машиной легализации решений параллельного государства («парламент – не место для дискуссий»), для «Системы РФ» русский национализм, социальный консерватизм и популизм – это всего лишь инструменты контроля над обществом, подпитывающие его предрассудки и фобии.

В европейском контексте путинская Россия использует ультраправые элементы также в качестве инструмента для расшатывания и ослабления политических институтов ЕС. Сильные институты ЕС ограничивают коррумпированное продвижение Кремля на Запад в сфере экономики, политики и международных отношений. Сильный демократический Запад, в конечном счете, является единственной преградой для становления России Путина как глобальной сверхдержавы. Поскольку Россия не в состоянии одержать победу над Западом в честной и справедливой конкуренции, то есть, развивая экономику, высокие технологии, культуру, человеческий потенциал и так далее, она может стать сверхдержавой, лишь ослабляя других. Следовательно, консолидированная демократия и эффективное управление, которые считают главными предпосылками экономического процветания Запада, являются первоочередными мишенями для «Системы РФ». Таким образом, по сути своей антидемократические праворадикальные (и леворадикальные) партии и организации являются естественными союзниками Путина в его антидемократическом «крестовом походе» против ЕС. Нет никаких оснований для идеализации мейнстримных партий Евросоюза, однако они менее предрасположены к коррупции, чем ультраправые. Или же, глядя на бывшего социал-демократического канцлера Германии Герхарда Шредера, который сегодня является главным лоббистом Кремля и возглавляет правление «Nord Stream AG», продажность ультраправых, возможно, просто обходится дешевле.

ГАЗОВАЯ ПОЛИТИКА

Поскольку доходы от нефти и газа составляют более 50% федерального бюджета России, Кремлю необходимо обеспечить себе позицию основного поставщика газа в ЕС. Карта «Южного потока», запланированного газопровода для транспортировки газа из России в ЕС в обход Украины, показывает, что в каждой стране по данному маршруту либо у власти находится пророссийское правительство, либо в парламенте присутствует ультраправая партия с открыто прокремлевской позицией: Болгария (пророссийское правительство, «Атака»), Сербия (пророссийское правительство), Венгрия («Йоббик»), Австрия (Партия свободы, Альянс за будущее), Греция («Золотая заря»), Италия («Лига Севера»). Единственным исключением является Словения, где праворадикальная Словенская национальная партия (Slovenska Nacionalna Stranka) не пользуется популярностью, а политический истеблишмент на данный момент является проевропейским. Учитывая сотрудничество Кремля и европейских ультраправых партий, неудивительно, что, например, «Йоббик» отдает предпочтение «Южному потоку», нежели «Набукко» – еще одному запланированному газопроводу, призванному сократить зависимость ЕС от российских энергоносителей.

Сотрудничество Кремля с европейскими ультраправыми, хотя и отображает идеологическое родство между двумя сторонами, – это брак по расчету для Путина, который будет готов бросить своих партнеров, когда они не будут ему больше нужны для реализации его политических и экономических планов. «Идеальной версией» Евросоюза для Кремля является не «расово чистый», благочестивый и социально консервативный союз, а скорее коррумпированная «берлусконизированная» Европа или – еще лучше – коррумпированная «болгаризированная» Европа. В 2008 году Дмитрий Рогозин (тогда еще в роли представителя России при НАТО) назвал Болгарию «троянским конем России в ЕС»; а президент Европейской Комиссии Жозе Мануэл Баррозу совсем недавно отозвался о Болгарии как о стране, где некоторые элементы политического истеблишмента являются «агентами России».

Кремлю нужно регулярно вновь и вновь привязывать к себе западные страны, пропитывая их экономики чистыми и грязными российскими деньгами, чтобы достичь того момента, когда Россия в качестве бизнес-партнера Запада станет «слишком значимой, чтобы допустить ее крах». В такой ситуации демократический консенсус Запада – перед лицом антидемократического «крестового похода» Путина – разобьется вдребезги о прагматические соображения. Именно поэтому коррумпированная, евроскептическая и антидемократическая сущность ультраправых партий более важна для Кремля, чем их расизм и ультраконсерватизм. Сегодня крайне правые (и крайне левые) партии являются наиболее удобными партнерами для Путина. Европейские выборы в мае покажут, насколько Путин продвинулся к достижению своей цели – коррумпированию и ослаблению Евросоюза.

АНТИФАШИСТСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ С КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ И НЕ ТОЛЬКО

История с крымскими татарами, к которым с весной 2014 года вновь пришел уже, казалось бы, забытый кошмар, заслуживает гораздо большего, чем небольшая заметка в самиздатском журнале, в особенности потому, что бумажные тексты всегда отстают от жизни (а сейчас жизнь такая, что и электронные не всегда успевают за ней). Тем не менее, я не могу не поделиться лишь одним аспектом этой истории, которую в будущем опишут более тщательно и многосторонне. И которая, как хочется надеяться, когда-нибудь закончится, и закончится хорошо.

Эти люди пережили депортацию из Крыма в сталинское время, когда, обвинив крымских татар в сотрудничестве с Гитлером и в участии в войне на стороне противника, власти вывезли с полуострова их всех, включая солдат и офицеров Красной армии. Крымские татары пережили десятилетия изгнания, когда им, даже после развенчания «культа личности», не позволяли вернуться домой. Они пережили счастливое возвращение и непростое обустройство в постсоветском украинском Крыму.

Кроме собственно запрета жить в Крыму, им многие годы – и до сих пор! – приходилось нести коллективную ответственность за обвинения сталинского времени. Недавно я с изумлением прочла, что екатеринбургскую журналистку Асану Панову на одном из судов свидетель обвинил в том, что она по бабушке крымская татарка. (Панову судили за мошенничество и – как полагали многие – в отместку за оппозиционную редакционную политику, но ее национальность уж точно не имела отношения к делу.)

Вне зависимости от того, как относиться к аннексии Крыма Россией, сейчас крымские татары, в большинстве своем выступившие против присоединения к РФ, находятся в российском правовом поле. Если даже отрицать право России отправлять правосудие на этом полуострове, возникающие в результате этого отправления проблемы никуда не денутся.

А проблемы у крымских татар есть, и в том числе связаны они с неправомерным обвинением в экстремизме – то есть с тем, в чем российские органы власти весьма преуспели и дома.

Информационно-аналитический центр «Сова» занимается мониторингом и анализом всего, что связано с проявлениями национализма в России, с применением антиэкстремистского законодательства в отношении националистов, с тем, как государство злоупотребляет этим законодательством, применяя его неправомерно. Еще одна сфера интересов Центра – это взаимоотношения религии с современным светским российским обществом. Я предлагаю взглянуть всего лишь на заголовки новостей Центра с марта по сентябрь, касающихся крымских татар.

Март 2014 года: Муфтий Ставропольского края уверяет крымских единоверцев, что в России нет преследования мусульман.

Апрель 2014 года: Член Меджлиса получил предостережение за украинский флаг.

Май 2014 года: Нападение на участника пикета в память о депортации крымских татар.

Июнь 2014 года: Главреду крымскотатарской газеты объявлено предостережение.

Июль 2014 года: Крым: деятельность меджлиса сочли экстремизмом.

Сентябрь 2014 года: АДЦ «Мемориал» требует соблюдения прав национальных меньшинств и иностранных граждан. МИД РФ объясняет обыск в газете «Авдет» ее экстремистской направленностью.

Вот так. За полгода – от высочайших уверений в спокойствии (добавим сюда и не вошедший в мониторинг «Совы» телефонный разговор Владимира Путина и лидера крымских татар, еще советского диссидента и сидельца Мустафы Джемилева) до высочайших же обвинений в экстремизме (ни на чем не основанных). И плюс – насилие в отношении как тех, кто выражает солидарность с крымскими татарами в России (нападение на пикетчика), так и поток информации, не вошедшей в мониторинг «Совы», об исчезновениях и смертях крымских активистов.

Интересно, что в октябре, когда к происходящему с крымскими татарами было привлечено уже международное внимание, власти пошли на некоторые уступки: было объявлено, что в течение двух месяцев в Крыму не станут больше ходить с обысками по домам и собирать запрещенную российскими судами за экстремизм литературу. Дадут такую поблажку, чтоб люди, зная не знающие, что хранят что-то нелегальное (а многие вполне безобидные му-

сульманские тексты в России неправомерно запрещены), могли свериться с официальным списком и самостоятельно избавиться от запрещенных книг. Все бы хорошо, да трудно выполнимо. В списке уже почти 2,5 тысячи пунктов, найти его в интернете можно, но работать с ним очень неудобно. Кроме понятного унижения, которое испытывают ни в чем не повинные люди, это еще и весьма трудоемкая работа: перебрать домашнюю библиотеку, сверяя названия с длинным и нелепым списком.

По сути это мало отличается от преследований «за экстремизм» разного рода меньшинств внутри России, только больше сконцентрировано во времени. Свидетели Иеговы, читатели книг мусульманского философа Саида Нурси, оппозиционеры всех мастей, сайентологи, последователи Фалуньгунь – кто только не становился жертвой неправомерного преследования «за экстремизм» за последние годы в России. Ключевым словом мне тут кажется слово «жертва».

Первоначальным смыслом и назначением антиэкстремистского законодательства была дополнительная защита групп людей, которые, в силу своей малочисленности, слабости, инаковости, часто становятся – именно как группа – жертвой обид, притеснений и насилия со стороны большинства. А на деле это законодательство очень часто используется как раз против этих самых жертв. Знакомо, правда? Обвинение жертвы.

Так сильный и грозный отец, выпоровший ребенка, обвиняет его самого в том, что тот плохо себя вел. Так насильник обвиняет свою жертву в том, что у нее была слишком яркая помада и короткая юбка. Благополучный прохожий не стесняется пнуть коробку нищего, так как тот «сам виноват, что оказался на улице, наркоман, наверное». Так же, не забудем и этого, обвиняют жертву не только сами непосредственные притеснители, но и сторонние наблюдатели: «довел отца», «вырядилась, как проститутка», «молодой мужик, а работать не хочет».

Жертвам насилия, притеснений и преследований нужна наша антифашистская солидарность. Если ее не будет, то история репрессий крымских татар рискует превратиться в дурную бесконечность.

Мария Розальская

ИНТЕРВЬЮ С АКТИВИСТАМИ ИЗРАИЛЬСКОЙ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЕДИНСТВО»

Участники интервью:

Игаль Левин — бывший офицер ЦАХАЛ, дезертир по идеологическим причинам, один из создателей организации

Михаил Урицкий — историк, сотрудник музея Холокоста «Яд Вашем»

Зяль Розенберг — инженер-исследователь в сфере IT

Инбаль Н. — издатель, журналист

Анархисты из Единства на акции палестинских крестьян против эксплуатации и оккупации их земель Израилем

Как и почему появилось «Единство»? Кто участвовал в создании организации?

Игаль Левин: «Единство» было создано, потому что была потребность в организации с внятной программой, четкой тактикой и социальной повесткой. Мы появились в марте 2010 года как ячейка Революционной конфедерации анархо-синдикалистов (РКАС), на тот момент международного объединения. В конце 2011 года мы, как и все организации в других странах, вышли из конфедерации из-за несовместимой с нашими взглядами авторитарностью ее центральной, украинской, ячейки и стали независимой организацией. В первое время нас было всего около трех человек.

До «Единства» в Израиле были анархические организации?

Эаль Розенберг: Вообще, нет, но было несколько организаций, в чем-то близких к анархизму:

1. «Анархисты против стены» — движение, выступавшее против разделительного барьера. В нем состояло несколько анархистов (в основном, участники панк-сцены и зоозащитники); структура была неавторитарной (хотя некоторыми это оспаривается), но на этом их анархизм, по-моему, и заканчивался.

2. Главная (самая неавторитарная) ячейка радикальной левой организации «Мацпен», созданной в начале 1960-х. Близкой к анархизму ее делает критическая позиция по отношению к Советскому Союзу и Израилю. Один из наших товарищей, Илан Шалиф, был членом «Мацпен».

3. «Анархическая бригада Верхней Галилеи» была своего рода молодежной пропагандистской группой, состоявшей в основном из панков. Они написали несколько довольно влиятельных и вдохновляющих текстов. Группа была активной в течение 1990-х.

Наконец, гораздо раньше — в конце XIX-начале XX века — некоторые из сионистских поселенцев были вдохновлены работами анархистских мыслителей, прежде всего, Кропоткина, что нашло свое отражение в структуре и характере киббуца. Тем не менее, это скорее извращение анархистских принципов, чем их проявление.

На опыт каких организаций в мире вы ориентировались при создании «Единства», с какими сообществами поддерживаете связь сейчас?

И.Л.: В плане структуры мы брали за основу идею форизма (организационной практики, основанной на идеях аргентинских анархистов из ФОРА), но вдохновение черпали из испанского анархизма. На постсоветском пространстве нам наиболее симпатично «Автономное действие», но часто организации из этих стран выступают для нас примером того, как не стоит строить органи-

зацию. Я имею в виду огромное количество личных ссор, перерастающих в политические, подмену объединяющих принципов мелкими различиями и бесконечные расколы (КРАС — МПСТ, РКАС — МСА, АД — АД (СР) и так далее).

Э.Р. Стратегию организации во многом определяют те, кто приезжает из славянских стран, т.к. у них больше активистского опыта, чем у коренных израильтян, и нередко есть связь с сообществами в этих странах.

Вас сейчас не больше пятидесяти, но разнообразие участников — как в большом движении: от субкультурной молодежи до известных ученых, от школьников до участников первых кибуцев. Насколько я знаю, такое разнообразие — принципиальная позиция. Для чего это нужно? Выработывали ли вы специальные механизмы, чтобы люди со столь разным культурным багажом могли понимать друг друга?

И.Л.: Я всегда считал, что грамотная анархистская организация должна объединять представителей разных групп, и чем разнообразнее участники, тем она более гибка и жизнеспособна. Организация — это модель желанного общества, в которой разные люди тренируются уживаться вместе.

Инбаль Н.: Культурные барьеры мы преодолеваем с помощью частых личных встреч или обсуждаем причины недопонимания на собраниях. Часто люди, принадлежащие к разным культурным традициям, выбирают и разные активистские инициативы, поэтому конфликты случаются редко.

Э.Р. Я не думаю, что это разнообразие — результат намеренной кадровой политики. На мой взгляд, это результат того, что люди приходят в анархизм разными путями. И я не могу сказать, что мы разработали действенные механизмы для обеспечения взаимопонимания между представителями разных культурных традиций. Мы полагаемся на добрую волю и политическую/личностную зрелость наших товарищей.

А что для вас сионизм?

Михаил Урицкий: Сионизм — это концепция, согласно которой земля, где создано государство Израиль, принадлежит группе людей, объединенных по этническому принципу. При том, что определение этой нации довольно проблематично, все те, кто к ней не принадлежат, отторгаются на обочину.

Мы как анархисты, конечно, против любого государства, но даже если следовать этатистскому дискурсу, то цивилизованное государство должно принадлежать всем его гражданам, вне зависимости от их религиозной и расовой принадлежности. Соответственно, антисионизм для меня — это неприятие выделения одной национальной группы в качестве доминантной, которая, согласно мифу, считается выше остальных.

Были ли для евреев какие-то альтернативы национальному государству?

М.У.: Да, разумеется, были. Если принять, что государство Израиль создавалось как убежище для тех, кого преследуют, то, действительно, можно было бы создать государство-убежище, в котором мог бы получить гражданство любой, кто подвергается преследованию, причем по любому признаку.

И.Л.: Конечно, были: от концепции «кибуц кибуцев» до откровенно интернационалистских безгосударственных течений. Это миф, что евреи в своей массе поддерживали сионистский проект. В начале XX века значительная часть евреев шла в социалистические движения — марксизм или анархизм. Они утверждали, что создание национального государства не решит проблемы антисемитизма, а наоборот, только даст повод для нового витка ненависти. В качестве альтернативы они видели всемирную социальную революцию, которая уничтожит деление по национальным признакам, а следовательно, положит конец и антисемитизму.

Э.Р.: Вопрос предполагает, что евреи были единой национально-культурной группой или, по крайней мере, коллективом, который принимает совместные решения. Но это было не так. Люди, ничем не связанные друг с другом, ехали сюда из разных стран, из разных культур, нередко лишь потому, что визу сюда было получить легче всего, как было, например, с моими бабушкой и дедушкой из Польши.

Многие антисионисты говорят о необходимости вернуть историческую справедливость. Разделяете ли вы их позицию и что для вас значит этот термин?

М.У.: Историк Шломо Занд на презентации своей книги «Кто и как избил еврейский народ» сказал, что ребенок, появившийся на свет в результате изнасилования, имеет право на жизнь, но надо приложить все усилия, чтобы он не пошел по стопам отца. Государство Израиль уже создано, но оно идет по стопам отца. Конечно, наш идеал — анархизм, но если говорить о государстве, то концепция государства Израиль должна измениться, и в том числе необходимо компенсировать все беды, которые оно принесло беженцам.

И.Л.: Термин «историческая справедливость» нам ничего не говорит. Если следовать этой так называемой справедливости, то придется перекроить весь земной шар. Мы поддерживаем палестинцев в их борьбе не потому, что мы сторонники права на самоопределение палестинской нации, а потому, что сионисты изгнали людей по этому национальному признаку. При этом мы не собираемся отдать всем семьям беженцев те участки земли, которые

им принадлежали, это физически невозможно. Мы хотим, чтобы был положен конец политике военной оккупации, апартеида и гетто, чтобы появилась свобода перемещения для людей, которые были изгнаны в гетто или родились там.

И.Н.: Когда к понятию справедливости что-то дописывают, оно теряет свое значение, тем более что история человечества — это сплошная история несправедливости. Поскольку многих из тех арабов, кто жил на этой земле, уже нет в живых, то сторонникам этой концепции приходится мыслить в рамках национальности и семейного наследования земли, а это уже противоречит анархическим взглядам, и в таком случае я не понимаю, почему речь при этом идет об арабах, а не, скажем, о хананеях.

Я не хочу выгонять сотни тысяч людей из их домов в угоду интеллектуальным концепциям и тем самым продолжить цепочку Холокост – Нагба –... Я хочу действовать справедливо. Между арабским и еврейским рабочими очень много общего, между арабским рабочим и арабским олигархом — ничего.

Вы живете в Израиле — и да, пользуетесь-его-привилегиями. Некоторые активисты приехали сюда в сознательном возрасте. И при этом вы не сионисты?

И.Л.: Мы это понимаем и пытаемся всеми силами сузить тот спектр привилегий, которые нам положены.

Э.Р.: Мой ответ будет состоять из двух частей: признания и оправдания. Действительно, можно было бы заявить, что антиссионистский активизм прикрывает и легитимизирует наши колониальные действия. Откровенно говоря, за все то время, что я состою в организации, этот вопрос не обсуждался, и я не уверен, что мы будем в состоянии выдержать последствия такого обсуждения на нынешнем этапе развития.

Теперь что касается «оправдания»: как материалисты, мы знаем, что реальность не является проявлением постоянных, совершенных, абстрактных идеальных форм; и это вдвойне относится к социальной или психологической реальности. Молодой человек, ничего не знающий о палестинском вопросе, эмигрирует из Украины в Палестину. В определенный момент он понимает, какого рода систему он обслуживает, и решает, что ему это надоело. Теперь он сам по себе: без поддержки семьи, без поддержки общества, без сбережений, без профессии. Он устраивается на работу с нищенской зарплатой и пытается свести концы с концами. Вот что можно сказать о большей части наших товарищей. Это образ эксплуататора-колонииста? В лучшем случае он был орудием в руках государства и капитала. Я, пожалуй, единственный плохой пример: я получаю большой оклад и по-

могаю сделать Израиль привлекательным для иностранных инвестиций в сфере Computer Science. Однако я надеюсь, что наша деятельность в конце концов будет иметь достаточно положительное влияние, чтобы компенсировать наши «грехи».

Поддерживаете ли вы связь с активистами с Западного берега и арабами-антисионистами Израиля?

Э.Р.: Да, но в ограниченном объеме, и на данный момент — в основном на личной основе. Исключение из этого правила — регулярное участие в протестах на Западном берегу. Мы находимся в контакте с группой «Молодежь Яффо», весьма, впрочем, осторожном, т. к. они являются палестинскими националистами, а также поддерживаем связь с активистами, организовавшими акции протеста против плана этнических чисток Правера-Бегина, согласно которому десятки тысяч бедуинов насильно отправлялись в резервации.

Мы стремимся сделать «Единство» более мультикультурным, но это чрезвычайно трудно — построить совместную иврит-арабскую политическую организацию. И опасно. Надеюсь, у нас это когда-нибудь получится.

Мы разрушим стену и положим конец сионистскому апартеиду.

Как, по вашему мнению, должна быть устроена политическая организация, подходящая для Газы?

М.У.: Пока Газа — анклав, правильная анархистская организация там просто не выживет. Это все равно что спрашивать о такой организации в тюрьме.

И.Л.: Я думаю, жителям Газы (как и жителям Западного берега) подошла бы структура по типу Сапатистской армии национального освобождения (САНО — EZLN). Что-нибудь самобытное, основанное на принятии решений на основе консенсуса или прямой демократии, а в социально-классовом плане с упором на крестьянство и ремесленничество, с развитой неформальной педагогикой. Не слепое копирование европейских традиций, как НФОП.

Некоторые израильские квир-организации настроены против «Единства», т.к. свойственная вам милитантность и антисексистская повестка, по их мнению, несовместимы. Насколько справедливы их обвинения?

М.У.: А что, есть квир-организации, настроенные против «Единства»?

И.Н.: В «Единстве» около трети активистов не стрейты. И так получилось, что самые милитантные среди нас — как раз эта треть, к которой можно отнести и меня. Я уважаю чужой выбор, в том числе выбор слабости, нестандартности, экспериментов со своим телом и гендером, но только когда это действительно выбор, а не навязанная субкультурой замена одной репрессивной модели на другую, как и произошло в том сообществе, о котором ты спрашиваешь. Но надо сказать, что после того, как на улицах активизировались правые, многие квиры поняли, что наша милитантность — не просто поза, и даже стали ходить на наши тренировки.

Новости сообщают о небывалом оживлении ультраправых в Израиле. С чем это связано? Что это за люди и как к ним относятся в обществе? Есть ли пострадавшие от их действий?

М.У.: Сейчас огромное количество просто уличной шпаны, которая, почувствовав возможность выпустить агрессию, пошла громить арабов и леваков-«предателей», потому что им позволили (или приказали?) это делать. Но это только верхушка айсберга. Оживление повсюду: людей увольняют с работы за высказывания, которые можно трактовать как левые, на днях врач в больнице отказался помогать нашему товарищу, которому правые разбили голову, министр иностранных дел недавно сказал, что левых нужно приравнять к террористам.

Кто-нибудь противостоит ультраправым — на улице, в СМИ, в судах?

М.У.: Нет, люди боятся высказываться. После того как многие подверглись преследованию за свои высказывания или избияниям на демонстрациях, мало кто решается всерьез противостоять правым. Да и как можно им противостоять, когда их тысячи и их поддерживает все общество...

И.Л.: Мы организовали курс самообороны для левых и отряд, который патрулирует улицы во время беспорядков и следит за безопасностью на митингах. Независимых СМИ здесь практически нет, поэтому пошатнуть правый консенсус они не могут. А тех немногих адвокатов, которые помогают левым, во время судов регулярно сажают под домашний арест.

Израиль производит впечатление странной смеси религиозного мракобесия (остановка инфраструктуры по субботам, агрессия ортодоксов в религиозных кварталах, невозможность заключить светский брак), технического прогресса (хайтек, лучшая армия в мире) и прав человека. Как все эти стратегии уживаются на таком маленьком клочке земли?

М.У.: Технический прогресс с религиозным мракобесием обычно очень хорошо уживается. Среди людей, которые двигают технический прогресс, очень много религиозных мракобесов. Вот гуманитарным наукам здесь приходится намного сложнее.

Что касается прав человека, то они соблюдаются только по эту сторону «зеленой черты», да и то только в тех случаях, когда речь идет о евреях. По ту сторону ни о каких правах человека даже говорить не приходится. Среди евреев политзаключенных мало, но среди палестинцев их тысячи. Согласно военному закону, административное задержание жителя Палестинской автономии может длиться до трех лет без права на адвоката и свиданий с родственниками. Нередко в конце этого срока человека выпускают лишь за тем, чтобы тут же оформить новое задержание.

И.Н.: ЛГБТ чувствуют себя комфортно исключительно в центре Тель-Авива. У многих здесь создается впечатление, что притворная поддержка ЛГБТ — лишь прикрытие и оправдание для дискриминации по этническому признаку.

Что вы думаете о военном конфликте России и Украины, аннексии Крыма Россией? Можете что-то порекомендовать активистам «нападающих воинственных империй» насчет солидарности?

Очевидно, что Россия, будучи империей, боится потерять свое влияние на приграничные области, а именно так Россия видит Украину — вассалом, пограничным районом, придатком. Ей не нужна и опасна развитая, независимая и

европеизированная Украина. Россия боится и того, что Майдан придет к стенам Кремля, поэтому Путин и его люди готовы сделать все, в том числе и погрузить часть Украины в военный хаос, лишь бы делегитимировать Майдан как позитивный революционный процесс. Я надеюсь, что несмотря на ненависть, которая насаждается властями России (и Украины), активисты из России не потеряют связи (а если ее нет, то будут налаживать) с товарищами из Украины. В нашем опыте один из способов преодолевать национальную сегрегацию и ксенофобные настроения — совместные инициативы: акции, фестивали, форумы, профсоюзы, социальные центры. Я думаю, это должно сработать и у вас, тем более, если учитывать культурную близость украинцев и русских.

И последний вопрос: какие у вас планы на ближайшее и далекое будущее?

И.Л.: В ближайшие несколько лет мы планируем присоединить к организации арабоязычных активистов, открыть кооператив и создать анархо-синдикалистский профсоюз.

И.Н.: Сделать более профессиональными наши тренировки по крав-мага, организовать бесплатные курсы арабского языка, развивать культуру активистской безопасности. Хотелось бы еще наладить связь с африканскими беженцами, но это пока скорее желание или план на далекое будущее, т. к. преодолевать культурные различия будет очень сложно.

Подготовил Е.П.

ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛИЦ, ПРЕСЛЕДОВАВШИХСЯ ПРИ НАЦИЗМЕ — СОЮЗОМ АНТИФАШИСТОВ

Флориан, расскажи об истории и работе Объединения.

Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме — Союз антифашистов (Die Vereinigung der Verfolgten des Naziregimes – Bund der Antifaschistinnen und Antifaschisten, VVN-BdA) – было основано в 1947 году бывшими узниками концлагерей и тюрем, участниками партизанских отрядов, членами армии антигитлеровской коалиции и людьми, убежавшими от нацистов в другие страны. С 1970-х годов ее участниками становятся антифашисты более молодого поколения, и сейчас в нее входят люди разного возраста. Цель организации обобщена в «Клятве Бухенвальда»: *«Мы клянемся: мы не прекратим борьбы до тех пор, пока последний виновный не будет осужден судом всех наций. Наш лозунг – окончательный разгром нацизма. Наш идеал – построение нового мира без войн, мира свободы. Это наш долг перед погибшими товарищами и их семьями».*

После Второй мировой войны Объединение боролось с нацистскими и фашистскими партиями, организациями и людьми, продолжавшими распространять эти бесчеловечные идеи, а также с преступниками Третьего рейха. Она боролась и с государственным давлением в отношении представителей нашей организации, бывшими ранее членами Коммунистической партии Германии. Но само VVN-BdA никогда не придерживалось определенной идеологии (коммунистической, социалистической, капиталистической или иных).

Сейчас в VVN-BdA состоит около 7000 человек по всей Германии. Ее участников объединяет противодействие (нео)-фашизму, шовинизму и расизму. Основная сфера работы VVN-BdA осталась прежней – борьба с неонацистами и их организациями. Например, мы организуем кампании против неонацистской Национал-демократической партии Германии (NPD), которая была основана в 1964 году и так или иначе перекликается с NSDAP. Мы противостоям и новой неонацистской партии «Альтернатива Германии» (AfD). Они привлекают ту часть среднего класса, которая не способна адаптироваться к глобальным изменениям в мире и очень боится лишиться своего социального статуса. Расистские предрас-

судки, в большей степени используемые в своей риторике NDP, теперь продвигаются и AfD, но уже не в такой тупой манере – их аргументы более «интеллектуальны». Однако борьба с такими объединениями – это еще не все. Наша цель состоит в том, чтобы искоренить расистские предрассудки в обществе, для этого мы используем двойную стратегию. С одной стороны, мы информируем «обычных горожан» о том, как устроены правые структуры, освещаем аспекты идеологии и подлинные цели неонацизма и популистских партий правых взглядов. С другой стороны, проводимые нами вокрошпы, лекции, выставки, демонстрации и фестивали расширяют взгляд на темы, связанные с фашизмом и расизмом.

Какие действия вы предпринимаете для поддержки беженцев? Почему ты считаешь это важным? Какая из акций была лучшей, на твой взгляд? Является ли идея помощи беженцам общей для всех левых или у них есть споры на этот счет?

В 2012 году наше Объединение устроило в Ростокe масштабный марш памяти жертв самого крупного неонацистского погрома в Германии после 1945 года, произошедшего 20 лет назад при поддержке местных жителей (фактически выражавших расистские настроения, но не имевших четкой идеологии). В марше участвовало 5000 активистов, мы прошли по той части города, где находится общежитие беженцев и мигрантов, которое в 1992 году было подожжено неонацистами, закидывавшими их коктейлями Молотова под крики тысячи людей: «Убирайтесь, иностранцы».

Одновременно сами беженцы устроили митинги против репрессивного законодательства в отношении мигрантов (например, обязательства иметь постоянное место пребывания, проживания в лагере для беженцев, невозможности получения разрешения на работу до получения статуса беженца). Центр этих протестных акций был в Баварии, куда иранские и другие этнические беженцы приехали на крупнейшую забастовку после самоубийства их товарища: он получил отказ в убежище, и его ждала депортация в Иран. Параллельно с этим во многих городах были организованы лагеря протеста – самими беженцами при поддержке антирасистских и антифашистских групп и организаций, в том числе нашей Ассоциации. В Берлине сначала была только одна маленькая протестная палатка в Кройцберге (квартал в центре города, где живет большое сообщество мигрантов и левых активистов и либералов). После того, как беженцы, инициировавшие протесты в Баварии, приняли решение идти оттуда пешком в Берлин, что привлекло бы большее внимание, но и открыто нарушило действующие законы, мы ощутили большую ответственность. Надо было спланировать и организовать установку тентов и других необходимых вещей в более подходящем по площади месте. И нам это удалось. Спустя неделю после прибытия протестующих в Берлин мы устроили огромную по масштабам Германии антирасистскую демонстрацию, в которой свою солидарность выразили примерно 6-10 тысяч человек.

Мы считаем, что только вместе с теми, кто страдает от дискриминационного законодательства и расистских нападений, мы можем побороть институционализированный расизм и расистские предрассудки в обществе. Лично я думаю, что эту идею разделяют все антифашистские организации в Германии. Если моя организация или антифашистское движение в целом перестанет активно помогать таким процессам, мы утратим наши ценности и идеи о лучшем мире.

Я слышала про успешную антифашистскую акцию в Дрездене, которая прошла несколько лет назад, расскажи о ней подробнее.

Я должен сказать, что нацистское движение само по себе не становится мощнее за последние несколько лет. Мы способны противостоять их демонстрациям, организуя в разных (но не всех) городах массовые блокады, подавляющие их морально и таким образом снижающие количество неонацистов, приходящих на мероприятия. Это результат скоординированных действий различных антифашистских организаций.

Идея массовых блокад была реализована в 2010 году в Дрездене, где была заблокирована крупнейшая неонацистская демонстрация. Нам удалось это сделать только потому, что огромное количество участников антифашистского протеста оказало давление на правящую в Саксонии Христианско-демократическую партию: им бы пришлось бы совершить политический «суицид», если бы полиция по их приказу освободила улицы и дала нацистам пройти. Этот успех был возможен благодаря участию нашего Объединения, старой и проверенной организации, с которой практически все антифашистские группы и объединения не боятся сотрудничать. Таким образом, мы сыграли ключевую роль в том, чтобы собрать вместе различные политические группы. Государство пытается нас репрессировать: недавно одного из наших представителей пытались осудить на выплату большого штрафа, но после долгих судебных разбирательств этого удалось избежать. Это, конечно, отнимает массу времени и сил, которые мы бы хотели тратить на наши проекты и акции.

Мы смогли повторить успех 2010 года несколько раз, но сейчас неонацисты изменили стратегию. Недавно они смогли собрать в Кельне 5000 хулиганов – фанатов разных футбольных клубов для протестов против «угрозы радикального или фундаментального исламизма». Правда, их протесты обернулись пиар-катастрофой, потому что они нападали на журналистов и полицейских.

16 декабря 2014 года состоялась антиисламистская демонстрация в Дрездене. Ей противостояла контр-акция «Дрезден против нацистов». Как ты думаешь, насколько такие действия эффективны?

Члены NPD и других расистских групп и AfD пытаются мобилизовать людей для уличных протестов, применяя новую тактику. Они маскируются под инициативных жителей местных сообществ и протестуют против новых лагерей для содержания мигрантов. Они устанавливают контакты с людьми, про-

живающими по соседству с проектируемым лагерем, и мобилизуют их на протесты сначала в социальных сетях, а потом и на уличных митингах. Это уже произошло в пяти разных кварталах Берлина. Здесь антифашисты сталкиваются с несколькими проблемами. Во-первых, если такие демонстрации случаются спонтанно — мы должны реагировать очень быстро. Во-вторых, после первой демонстрации аналогичные происходят на протяжении нескольких дней но в разных местах, — так что мы должны быть мобильными и приезжать в районы, где живут, как правило, «право» настроенные местные люди.

Расисты протестуют против лагерей беженцев, в соответствии с распространенными предрассудками (от мигрантов — болезни, преступления, грязь и пр.). Мы тоже выступаем против лагерей беженцев, — конечно по иным причинам, — но нам приходится защищать эти лагеря от расистских атак и поджогов, потому что полиция не делает этого. Так что здесь мы попадаем в некоторую ловушку, но положить конец расистским демонстрациям просто необходимо.

Что касается антиисламистской демонстрации в Дрездене, то неудивительно, что расистская акция такого масштаба была проведена в федеральной земле, где NPD была членом парламента два избирательных периода и где AfD зарабатывает самое большое количество голосов. Саксония в сравнении с другими регионами достаточно реакционна и имеет один из самых низких показателей по количеству людей «мигрантского происхождения». Социологические исследования утверждают, что в регионах, где мигрантов мало, процент людей с ксенофобским или расистским поведением — выше. Они называют себя PEGIDA (патриотические европейцы против исламизации). В политическом плане они поддерживают NPD, AfD и христианских демократов, много среди них и тех, кто вообще не голосует на выборах.

К сожалению, демонстрация 16 декабря показала, что старая стратегия массовых блокад не сработала. 2 декабря демонстрация PEGIDA из 7500 участников была остановлена 5000-ной толпой антифашистского протеста. Но неделю спустя еще больше людей (около 10000) пришло на расистское ралли, а 16 декабря в поддержку PEGIDA вышло около 15000 человек, а против них — всего 5000. Успех PEGIDA в Дрездене привел к тому, что правые пытаются копировать такие демонстрации в других городах.

В целом политические правые могут менять дискурс о беженцах и иммигрантах, лоббируя ужесточение законодательства, депортации и отказы в убежище. До сих пор мы не нашли серьезную основательную стратегию, противостоящую этому. Но мы разоблачаем расистскую повестку дня PEGIDA средствами СМИ и искусства (политическое кабаре и сатирические ТВ-шоу).

I.

УСТАНОВЛЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛОВ ПОЛНОМОЧИЙ ПОЛИЦИИ И ЗАЩИТА НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ — «ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ» ОБЩЕСТВА

Мы пришли с миром добиться справедливости. Фото: Reuters

Недавно в СМИ промелькнула информация о том, что российским полицейским предлагается «изучить негативный опыт американских полицейских во время массовых беспорядков в Фергюсоне (США)». С таким предложением выступил председатель общероссийской организации «Офицеры России», который обвинил полицейских США в непрофессионализме, недостаточной заботе о защите граждан и отсутствии «диалога с гражданским обществом», призвав рос-

сийских полицейских «учиться на чужих ошибках». Обычный для российской действительности аргумент «сам дурак» в этой ситуации выглядит ещё более лицемерным и циничным: конечно же, своего негативного опыта у российской полиции нет – вот и приходится учиться на чужом. Примечательно, что «эксперты» не могли обойти вниманием и «киевский опыт»: «Изучая печальный опыт применения американской полицией чрезмерной силы и жестокости, нельзя забывать и киевский опыт, когда при массовых беспорядках на Майдане, несмотря на применение хулиганами и бандитами оружия, милиции безосновательно было запрещено принимать адекватные меры противодействия».

И дело тут, конечно, не в самом факте этой «межведомственной» критики, а в циничности такого подхода в контексте чудовищных нарушений прав граждан со стороны полиции в России. К слову, тому самому «гражданскому обществу», о диалоге с которым в США так пекутся «Офицеры России», критиковать полицию в собственной стране – нельзя (именно за критику полиции признали «иностранным агентом» правозащитную организацию АДЦ «Мемориал», да и других примеров преследований за критику полиции можно привести немало), а самим полицейским критиковать иностранных коллег и призывать учиться на их негативном опыте так, как будто нет и никогда не было своего, – можно. Но, к сожалению, это как раз один из признаков слабости того самого «гражданского общества» в РФ и более широкая проблема: в публичной сфере представители власти и «верные» им журналисты могут говорить что угодно, не оглядываясь на чужое мнение и не чувствуя совершенно никакой ответственности за сказанные слова.

Обратимся к событиям Фергюсоне (штат Миссури), где в августе 2014 года этого года полицейский при задержании застрелил 18-летнего темнокожего Майкла Брауна, который, по утверждению полицейского, оказал ему сопротивление. Сообщается также мнение другой стороны о том, что в момент убийства молодой человек уже не оказывал сопротивления и был безоружен. Убийство вызвало массовые акции протеста, для урегулирования ситуации власти США применили военизированные подразделения, федеральные службы, в результате подавления беспорядков также были пострадавшие. Случай вызвал огромный общественный резонанс – множество публикаций в СМИ, высказывания высокопоставленных чиновников и президента Обамы, акции протеста в других странах. Вторая волна беспорядков случилась в ноябре 2014 года, когда суд присяжных вынес полицейскому оправдательный приговор. Как сообщают СМИ, «сотни жителей Фергюсона вышли на улицы в знак протеста. Акция быстро переросла в беспорядки с погромами, поджогами, мародерством и стрельбой. Полиция была вынуждена применить слезоточивый газ и арестовать более 60 нарушителей общественного порядка. Масштабные демонстрации в тот и последующие дни прошли также в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Филадельфии, Далласе, Атланте, Лос-Анджелесе,

Сан-Франциско, Окленде и других городах по всей стране. По данным СМИ, волна протестов охватила в общей сложности 37 из 50 штатов. Арестованы были сотни человек». В сети появились видео того, как протестующие сжигают американские флаги, срывают начало рождественских распродаж.

В это же время в Сент-Луисе (пригородом которого является Фергюсон) было совершено убийство боснийца Земира Бегича, предположительно на этнической почве, что вызвало протест в общине боснийцев сообщается, что около 50 представителей боснийской общины в Сент-Луисе устроили акцию протеста, заблокировав один из перекрестков города.

При этом большинство российских СМИ подробно и часто сообщали новости об осложнениях в США, не упуская случая отметить нарушения прав человека (что довольно редко можно услышать от тех же СМИ в комментариях к каким-либо событиям в России). Более того, не заставила себя ждать и «официальная реакция» МИДа РФ, которая в очередной раз напоминает о циничности и лицемерии в международной политике. Не могу не привести этот текст с официального сайта МИДа:

«Комментарий официального представителя МИД России А.К.Лукашевича в связи с протестными выступлениями в США

С тревогой следим за напряженной ситуацией в городе Фергюсон (штат Миссури), где уже третий день продолжаются массовые акции протеста в связи с судебным решением не привлекать к ответственности сотрудника полиции, застрелившего 9 августа с.г. 18-летнего афроамериканца М.Брауна.

Действия властей не оставляют сомнений, что они сделали ставку на силовое пресечение выступлений против полицейского произвола и оставшегося безнаказанным преступления, имеющего очевидную расовую подоплеку. В город введены Национальная гвардия и военная техника, против протестующих без разбора применяются специальные средства, включая слезоточивый газ, фактически «на поток» поставлены задержания и аресты.

Демонстрации под лозунгами солидарности с жителями Фергюсона прошли практически во всех американских штатах. Причем в целом ряде случаев люди, пытавшиеся выразить свою гражданскую позицию, встретили жесткий отпор со стороны полиции.

Столь масштабный взрыв народного негодования и непропорциональная реакция правоохранительных органов вновь подтверждают, что речь идет не об изолированном инциденте, а о системных изъянах американской демократии, так и не сумевшей преодолеть глубокий расовый раскол, дискриминацию и неравенство. Именно чернокожие граждане остаются социально незащищенной частью населения Америки, регулярно подвергаются насилию и преследованиям со стороны правоохранительных органов.

При этом, несмотря на показную заботу о праве несогласных на выражение мнения в других странах, протесты у себя дома власти США трактуют пре-

имущественно как «противоправные действия» и «незаконные собрания», используя против их участников весь арсенал силовых средств.

Мы, разумеется, продолжим внимательно отслеживать события в Фергюсоне и других городах США, напоминая американской стороне о необходимости неукоснительно соблюдать взятые ими обязательства по обеспечению демократических стандартов и свобод граждан, включая Международный пакт о гражданских и политических правах и Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации».

Разумеется, эта трогательная забота МИДа РФ о населении США, страдающем от дискриминации и расизма, беспокойство о нарушениях прав человека со стороны американской полиции, имеет совершенно определенные политические основания, ее причина ясна и понятна. Показательно, что аналогичные заявления сделали власти Азербайджана, недавно раскритикованные представителем США за репрессии в отношении гражданского общества, Северной Кореи (не могу не процитировать: «По мнению МИД КНДР, события в Фергюсоне «показали истинное лицо США – ада, в котором нарушаются права человека и практикуется расовая дискриминация».

Конечно, это не значит, что государства не должны критиковать друг друга за нарушения международных норм и стандартов, – во многом эта система и основана на возможности государств сдерживать друг друга в международной политике. Но когда права человека настолько явно становятся «разменной монетой» в большой политической игре – это вызывает самые мрачные прогнозы будущего всей существующей системы международного права.

Если оставить за скобками представления об изначальной порочности любого «легализованного» насилия, и обратиться исключительно к реально существующему не лучшему положению дел, то события в Фергюсоне, как мне кажется, поднимают несколько основных вопросов, применимых, в той или иной мере, к полиции в любом государстве. Первый – это вопрос пределов полномочий полиции: какие возможности государство официально предоставляет своим защитникам (в этом смысле «полицию» можно понимать довольно широко, включая все силовые ведомства). Второй – вопрос ксенофобии, расизма полицейских и полиции как структуры. То, насколько высока в полиции ненависть к тем или иным группам населения, и то, насколько безнаказанно полицейские могут ее проявлять, во многом отражает реальный уровень ксенофобии в обществе и в государстве. Вопрос реакции государства на нарушения прав человека со стороны своих представителей касается вообще уровня ответственности государства перед обществом и эффективности тех механизмов защиты граждан, которые декларируются в законодательстве. И, наконец, на мой взгляд, самый важный – вопрос реакции общества на нарушения со стороны полиции, в том числе в отношении меньшинств, и, прежде всего, конечно, реакции на неоправданное применение насилия.

Пределы полномочий полиции, как правило, устанавливаются в законодательстве – в законах о полиции, правилах, инструкциях. Особенно тщательно обычно регулируется применение «спецсредств» и оружия. У каждого штата, в отличие от российской централизованной системы, своя «полиция» и, соответственно, свои правила, да и система права в США существенно отличается от российской и европейской (та самая прецедентная система права, которая, при ее неправильном понимании, часто становится предметом для шуток вроде «самые глупые законы мира», где под «законами» понимаются как раз судебные прецеденты). Но в целом у полиции в США довольно широкие полномочия, и малейшее неисполнение распоряжений полицейских уже само по себе считается преступлением. К слову, общие принципы наилучшего поведения при общении, пожалуй, универсальны. Есть занятные видеолекции американского профессора права Джеймса Дуэйна с характерным названием: «Никогда не разговаривайте с полицейскими». Так вот, если в этих лекциях заменить отсылки к «пятой поправке» (право не свидетельствовать против себя) на статью 51 Конституции РФ, то эти советы окажутся вполне применимыми и для общения с российской полицией. Более того, «статья 51» во многом формально предоставляет даже больше гарантий (например, отказаться свидетельствовать можно на любой стадии, нет ответственности за дачу ложных показаний подозреваемым и обвиняемым, в отличие от США). Но это уже, конечно, другой вопрос, связанный с преследованием со стороны правоохранительных органов.

Что касается пределов полномочий полиции в РФ, то в ФЗ «О полиции», помимо общих слов об обязанности полицейских соблюдать права граждан, отдельная глава посвящена применению «физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» (гл.5). Здесь подробно описано, в каких ситуациях могут применяться какие средства, как сотрудник полиции должен предупредить о применении средств и так далее. Там же, например, есть правило о том, что «сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами». То есть, если полицейский действует по закону, то он может причинять любой вред кому угодно, не ограничен в выборе средств достижения своих целей. Но все равно, ограничения применения силы со стороны полиции в законодательстве установлены, другое дело – как это работает на практике. «Противовесом» ограничений служат статьи, призванные дополнительно защитить полицию. Это статьи УК, в которых объект преступления – сотрудник полиции,

что значительно увеличивает наказание, а также широко применяемая, известная многим «универсальная» ст.19.3 КоАП – «Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции».

Таким образом, законодательно ограничения установлены, а значит, формально любые действия сотрудников полиции можно проверить на предмет злоупотребления полномочиями (другое дело, с каким результатом). Конечно, какие-либо мелкие нарушения, которые не имеют серьезных последствий и совершаются всеми органами государственной власти, обычно не вызывают особого внимания. О нарушениях полицейских чаще всего говорят в связи с тем, что у полиции есть полномочия наибольшего вмешательства, вплоть до применения физической силы и оружия. Большинство из этих нарушений, связанных с насилием, входит в международное понятие «пытки». Хотя это понятие более широкое, чем нарушения полиции, наиболее часто, конечно, эти преступления совершают именно полицейские.

В международной судебной практике по обжалованию пыток можно найти немало примеров неоправданного применения насилия со стороны полицейских, в том числе, приведшего к смерти. Но можно сказать, что это только вершина айсберга, потому что большинство случаев применения полицией насилия скрываются за сообщениями «в отделе полиции скончался мужчина», «в полицейском автомобиле повесился мужчина», «по факту смерти задержанного в отделе полиции проводится служебная проверка». Такие новости в российских СМИ может найти каждый, кто умеет пользоваться интернет-поисковиком. И чаще всего других последствий, кроме проведения «служебной проверки», такие случаи не имеют. Конечно, нельзя во всех таких случаях утверждать, что причиной смерти были действия сотрудников полиции, но если большинство таких случаев заканчиваются служебной проверкой, которая «не выявила нарушений», то возникают основания для серьезных сомнений. Всё это неизбежно создает атмосферу страха и бессилия для одних и безнаказанности для других («Ну, они могут делать все, что хотят – они ведь полиция. Не будут ведь они сами себя привлекать к ответственности, все они покрывают друг друга. Им ничего не будет»). В такой ситуации нарушения, не связанные с физическим насилием, необоснованные задержания, проверки документов многими вообще не воспринимаются как нарушения («Хорошо, что хоть не убили»).

К сожалению, права дискриминируемых групп всегда нарушаются чаще и более безнаказанно. Конечно, не всегда нарушения в отношении меньшинств имеют именно дискриминационные мотивы, но каждое такое нарушение, как правило, связано с уязвимым положением жертвы – либо прямую, либо как с одним из факторов. Так, в европейских странах, как и в России, жертвами нарушений полиции часто становятся цыгане. В практике

ЕСПЧ немало дел о применении насилия полицией именно в отношении цыган, в том числе дела об убийствах. Вот, например, дело «Начова и другие против Болгарии»: «Заявители утверждали, что предрассудки и враждебное отношение к цыганам сыграли решающую роль в событиях, в ходе которых близкие заявителей – двое мужчин в возрасте 21 года – были застрелены полицейским». Или дело против Франции: «Франция была приговорена Европейским судом по правам человека к выплате компенсации родственникам молодого цыгана, убитого полицейским в мае 2008 года в департаменте Вар». Или дело «Клейн и Александрович против России», в котором ЕСПЧ присудил компенсацию за отсутствие эффективного расследования гибели цыганки в отделе полиции. В России это и еще множество случаев, которые не доходят не только до ЕСПЧ, но даже до СМИ и первичного расследования на национальном уровне. Некоторые из таких случаев в отношении меньшинств были описаны как раз в отчете АДЦ «Мемориал» «Цыгане, мигранты, активисты: жертвы полицейского произвола», но в суде эксперт обвинителей авторитетно заявил, что нет никакого основания доверять «рассказам цыган».

Подобные нарушения совершаются и в отношении других уязвимых групп – причем во многих случаях сотрудники полиции даже не скрывают, что предвзято относятся к тем или иным группам по национальному признаку (например, проверяют документы у людей «неславянской» внешности, проводят операции против «нелегальных мигрантов», цыган, часто пользуясь при этом полной поддержкой и пониманием общества). У людей из таких групп гораздо больше риск стать жертвой пыток. Вот, например, совсем недавнее сообщение СМИ (которое, к слову, в отличие от событий в США, видимо, не вызывает беспокойства руководителей МВД): «В среду, 17 сентября, в городе Солнечногорске Московской области по подозрению в изнасиловании был задержан уроженец Таджикистана. Спустя некоторое время в отделение полиции, куда доставили подозреваемого, была вызвана бригада «скорой помощи», которая констатировала смерть таджика. На его теле были обнаружены многочисленные гематомы, а также зафиксированы переломы ребер, что может свидетельствовать об издевательствах, которым подвергся мужчина в ходе допроса. В настоящий момент подмосковное управление Следственного комитета России начало проверку правомерности действий сотрудников полиции, которые проводили дознание».

Вопрос о ксенофобии и расизме среди сотрудников полиции неоднократно обсуждался и исследовался правозащитными организациями в России. Но, как правило, реакция самого полицейского руководства на эту проблему ограничивается выпуском смехотворных справочников по «общению с национальными меньшинствами» (например, изданный в Самаре: http://www.interethnic.org/News/240706_2.html).

После событий в Фергюсоне Министерство юстиции США инициировало масштабное исследование уровня расовых предрассудков среди полицейских. Конечно, совершенно необязательно это исследование будет объективным или приведет к каким-либо улучшениям, но сама идея хороша хотя бы признанием проблемы. Впрочем, недостатка в публичной реакции со стороны государства после событий в Фергюсоне не было: от запрета коллегам полицейского носить браслеты в его поддержку до высказываний Обамы чуть ли не о необходимости запретить полиции применять оружие. Уже после вынесения оправдательного приговора полицейскому была озвучена концепция о реформировании полиции, предполагающая, в том числе, оснащение полицейских портативными камерами. Впрочем, реакция представителей власти всегда будет подчинена политическим мотивам и множеству скрытых механизмов государственного управления, а вот реакция общества более ясно отражает всю «тяжесть» ситуации.

В современной российской действительности, где возможностей для конструктивной критики действий полиции со стороны общества практически нет, а «эмоциональный» отклик общества о недопустимости насилия со стороны полицейских по каждому такому случаю настолько мал, что лежит в пределах «статистической погрешности», перспективы выглядят весьма мрачными. И как это преодолеть, я не знаю. Не могу даже с полной уверенностью говорить о том, что необходимо обжаловать каждый случай полицейского насилия, тратить на это свои силы и серьезно рисковать. Хорошо, что есть организации, которые могут профессионально поддерживать тех, кто на это решается. Например, «Агора» или «Комитет против пыток», который, кстати, приступил к расследованию того случая с гибелью гражданина Таджикистана в отделе полиции по обращению его брата.

Остается только надеяться, что расследование правозащитников приведет к наказанию виновных – хотя бы в этом конкретном случае. Рассчитывать на что-то большее вряд ли возможно, пока власти изучают негативный опыт других стран, а общество, внимание которого умело направляется на «более важные» проблемы или, наоборот, «победы» и «достижения», воспринимает насилие со стороны полиции как неотъемлемую часть жизни, главное, чтобы эта жизнь была – чужая, и, желательно, как можно меньше похожая на твою собственную.

А.Н.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЧЕРНЫХ ЛЮДЕЙ И «ЧЕРНЫХ ПИТОВ» в Голландии – кто важнее?

Фото: www.knack.be

С середины ноября в Голландии царит атмосфера ожидания праздника – главного праздника в году для детей и тех, у кого есть дети, — дня рождения Святого Николая. В ночь с 5 на 6 декабря все дети этой страны ставят на кухне свои ботинки, куда их любимый Синтер-Клаас положит подарки, а еще на ночь оставляют морковку и воду для лошадки, на которой добрый святой развозит сладости и игрушки. Это древняя традиция пережила религиозные войны и споры, и даже суровые протестанты – не признающие никаких свя-тых — позволяют себе верить в сказочного Св. Николая – друга детей и мореплавателей, привозящего на пароходе сласти и мандарины, чтобы в свой день рождения одарить ими малышей.

Самые традиционные голландцы не поздравляют детей ни с Рождеством (этот день надо проводить в молитве, а не развлекаться подарками), ни с Новым Годом (тут уместно веселье и фейерверки, но нашей привычки что-то всем

дарить при смене календаря нет и в помине), а подарки дарят именно и только в начале декабря «от имени» доброго святого. Неудивительно, что общество потребления использует эту привычку не только как повод продать и купить невероятное количество сладостей, традиционных «шоколадных букв», игрушек и прочих детских радостей, но и для проведения праздников, уличных торжеств и массовых мероприятий. Бородатые Синт Николаасы в епископских митрах и красных одеждах стоят чуть ли не в каждом магазине, зазывая любящих родителей и их нетерпеливых чад, — в общем, мы все это знаем по нашим дедам-морозам — официальным и домашним. Беды в этом всем, вроде, нет, хотя и жаль, что современность так безжалостно коммерциализировала милую старину и фольклор (не будем уж останавливаться на порожденным кампанией «Кока-кола» американском гибриде голландского Синт Николааса и английского рождественского культа — Санта-Клауса в странном гномичьем прикиде, весьма несолидном для бывшего епископа).

Беда не в Синтер-Клаасе — беда в его помощнике (или — теперь уже — уйме помощников), так называемом, Зварте Пите (Черном Пите). В наше время, слащавая история прибытия Синт Николааса с подарками (растиражированная миллионами книжек, мультиков, реклам) утверждает, что добрый святой готовит подарки и даже печет печенье всем детям, а для этого ему нужны помощники (чаще называемые «слуги») — такие же, как и он, сказочные персонажи — Черные Питы. Изображают «питов» как маленьких негритят, одетых в старомодные береты и брыжи, явно отсылающие к ливрейным «маврам» 18 века (падкий на все голландское царь Петр тоже хотел такого — что и привело к возникновению в России рода Ганнибалов, породившего величайшего русского поэта).

Вот против этих питов и ополчилась в последние годы прогрессивная общественность. В прошлом году признаки расизма в культе черных слуг доброго святого рассмотрели даже эксперты ООН.

Как название «черный слуга» (связанное со старинным «раб»), так и сама роль маленьких черных слуг при большом белом человеке представляются антирасистам наследием работорговли и колониальной истории Голландии.

Поднялась буря возмущения, общий смысл которого — «не троньте наши традиции» (разумеется, сочувствие российских СМИ, освещавших спор в Нидерландах, было всецело на стороне белых традиционалистов и даже ультраправого Вильдерса — репортаж 1 канала от 1 ноября 2013 г.)

Несмотря на то, что было принято решение соблюдать политкорректность и не гримировать «питов» под выходцев из Африки, культ «черного слуги» не поддался.

В этом году на улицы маленького старинного города Гауда вышли десятки (а может, сотни) «черных питов» — в париках и макияже, имитирующем черно-

кожих людей. В разгар их «традиционного» веселья на ряженных африканцев напали настоящие чернокожие голландцы с криками «Черный Пит – расист». Репортаж об этом событии вызвал у меня сложные чувства: с одной стороны, мне жалко детей, которые пришли в гриме и ярких беретах, не ожидая, очевидно, никакого подвоха. Растерянные дети с черными носами и красными губами, нарисованными на перепуганных лицах, не могут не вызывать жалости. С другой стороны – мне понятно возмущение тех, кто живет в Голландии с натуральным черным цветом кожи и натуральными большими губами, тех, кого этот маскарад ранит и обижает.

В Голландии – как и во всех странах с колониальной историей – очень много чернокожих. Большая часть из них – потомки тех, кого предки нынешних любителей маскарадов везли в трюмах кораблей на невольничьи рынки. Голландцы внесли, к сожалению, настолько весомый вклад в работорговлю, что население целых стран почти изменило «расовый» состав: так, истребляя коренное («индейское») население Суринама, голландцы заселили эту страну столь густо черными рабами (которых везли из Африки для работы на плантациях), что нынешние суринамцы (а многие жители этой бывшей колонии теперь обитают в самих Нидерландах) чаще всего выглядят, как африканцы.

Рабство, работорговля, использование «забавных мавров» в роли нарядных слуг – это не смешно и не весело. Давно пора бы понять, признать и отменить оскорбительную для людей, помнящих историю, «традицию». Да и не такая уж древняя эта традиция – что считать древностью... Ведь всего несколько веков назад европейцы и не думали о «добрых помощниках доброго святого» — Святой Николай приносил подарки только «хорошим» детям, послушников же ожидали розги и страшный мешок «черного человека» — черта! До сих пор в Австрии, да и в других странах, в декабре в паре со Св. Николаем изображают вовсе не «мавров», а чертиков – и это много более старинная традиция.

Ясно, что и эта традиция не всем нравилась, — надо думать, что фривольное использование образа «нечистого» в педагогических целях (для запугивания детей в преддверии праздника, который, очевидно, играл тогда роль ежегодного «судного дня» для озорников) не слишком приветствовалось церковью (особенно крайне серьезными протестантами). Вот и изобрели разные эрзацы – где-то черта вытеснил трубочист (тоже ведь – «черный» человек), а в Нидерландах 18-го века всем понятен был образ чернокожего раба. Христианское ханжество способствовало «добродетельному» замещению черта африканцем. Пора признать и эту добродетель пороком, а отказ от запугивания детей может обойтись и без слазавого расизма – пусть им дарит подарки хоть Святой Николай, хоть Дед Мороз, хоть Добрая Фея – только бы без дискриминации, без расизма и без сохранения того зла, которое все эти ложные идеи уже принесли миру.

ПИСЬМО В НОМЕР

Случается так, что от утренних новостей тошнит, дневные передачи смотреть невозможно, да и вечерние просмотры произведений современного кинематографа не приносят ничего, кроме депрессии. Думаешь, это смертельная болезнь – а это всего лишь окружающая реальность. И когда хочется разбить телевизор – после переключения каналов, где «современные путешественники» показывают дикую природу или заброшенные городки, населенные голодающими детьми и взрослыми, при этом размещаясь со всей съёмочной группой в фешенебельных отелях, или разбить компьютер – после разглядывания фотографий, выложенных в сетях друзьями (невероятная архитектура Рима или Венеции, собственные изображения на фоне итальянских\испанских\африканских нищих), – вот тогда на помощь приходит старая добрая классика, и проглоти меня акула, если книга Б. Травена «Корабль мертвых» не лучшая книга из тех, что я прочел со времен, когда перевернул последнюю страницу «Хлеба с ветчиной» старины Хэнка. Не знаю, как так получилось, но в моем личном рейтинге писателей топовые места занимают американцы – Хэмингуэй, Сэллинджер, Сароян, Буковски, и вот еще один весьма достойный автор, которого я хочу «разрекламировать».

Б. Травен – автор-загадка. Множество журналистов пытались раскрыть тайну личности этого писателя, строили свои предположения и теории относительно того, кто скрывается под этим псевдонимом, но сам Травен неоднократно опровергал эти слухи, руководствуясь теми соображениями, что произведения автора не должны быть оттенены интересом к его личной жизни, и только после его смерти жена приоткрыла тайны личности Травена. Сейчас считается доказанным, что его настоящая фамилия – Торсван, что его молодость прошла в Германии, где он в 1917-1920 гг. издавал антиимпериалистический и антинационалистический журнал «Der Liegelbrenner», после разгрома Баварской Советской республики был

арестован, бежал и исчез из страны. Роман «Корабль мертвых» и другие книги автора после 1933 года были запрещены в Германии. Свою жизнь он закончил в ставшем знаменитом в конце 80-х – начале 90-х мексиканском штате Чьяпас, а посмертный ритуал предполагал развеяние его праха над лесами этой земли. Этот интересный факт привлек меня еще до прочтения романа – очень уж понравилась аналогия с прахом Хантера Томпсона, который Джонни Депп запустил из пушки. И я не ошибся: психи, заказывающие такие похороны, оказываются весьма талантливыми.

Прочитав «Корабль мертвых», мало кто усомнится в достоверности событий, описываемых автором, а для меня это одно из главных условий успеха произведения. Книга повествует о путешествии моряка из США на торговых судах, и, как верно отметил автор русского перевода, «каждая страница этого романа пропитана соленой водой и морским ветром». Нет сомнений в леворадикальном взгляде автора на жизнь, что в свою очередь делает приключенческий роман и еще и мировоззренчески интересным. Положение человека, оказавшего в послевоенной Европе без документов, нежелание чиновников помогать «отбросам общества» и прочие трудности, описываемые Травеном, заставят тех, кто никогда не задумывался о судьбе мигрантов, прикинуть на себя всю тяжесть положения, в которое попадают люди с момента изобретения документов и границ.

Так что если, вернувшись вечером домой, вы будете мучительно думать, как бы совместить переживания о судьбах мигрантов, морские приключения с контрабандистами и кораблекрушениями и приступы ненависти к «капитализму», то смело берите в руки книгу Б.Травена «Корабль мертвых. История американского матроса», и этот вечер не пройдет для вас напрасно.

П.К.

КОМИТЕТ
ГРАЖДАНСКОЕ
СОДЕЙСТВИЕ

горячая линия

+7(903)577-55-87

**На тебя напали из-за твоей национальности,
веры или цвета кожи?**

ЗВОНИ

+7 (903) 577-55-87

Ты стал очевидцем такого нападения?

**Звони на телефон нашей горячей линии. Каждый случай должен
быть зафиксирован, расследован, а виновные - наказаны!**

+7(903)577-55-87